

СМЕНА

Сизальный

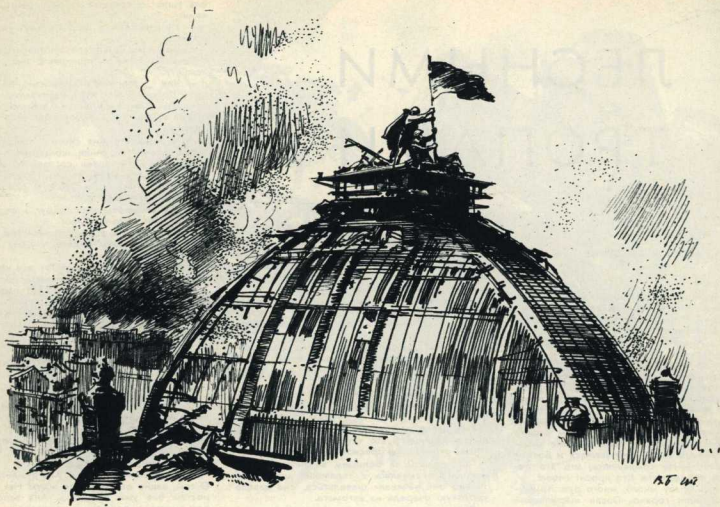
9

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Бывает,
окна затворяют плотно
при первом громе в небе голубом,
а нас хлестало ливнем пулеметным
и осыпало черным градом бомб.
Зимой, грозное лютого бурана,
мела артиллерийская пурга,
и кровью были,
как бинты на ранах,
в степях насквозь пропитаны снега.
Мы шли по странам,
пламенем объатым,
родное знамя
нас вперед вело.
Оно потом,
весною в сорок пятом,
над сумрачным рейхстагом расцвело.

Простой москвич,
один из миллионов,
вчерашний слесарь —
жесткая ладонь —

советский русский офицер Самсонов
провел подразделение сквозь огонь.

Солдаты
не нуждались в приказе,
одолевая с боя каждый шаг,
Егоров и Кантария, абхазец,
со знаменем
возбрались на рейхстаг.
На алом шелке
вражьи пули пометки,
ему в музее
люди бьют челом.
Таких побед
не знали наши предки,
хоть храбро воевали и в былом.

Достойны были мы своей победы:
в Европе,
после боевого дня,
мы раздавали детворе обеды,
картины выносили из огня.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 9. 1956 год.

Год
издания
33-й

ЛЕСНЫМИ ТРОПАМИ

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

1

Все произошло быстро и даже неожиданно. Утром Аня Калашникова передала записку: «Сегодня в 3 часа собрание партийного актива. Ясна обязательна». Когда Аня вошла в зал, где обычно проходили районные совещания, там уже почти все места были заняты.

Секретарь райкома партии Потапов позвонил в колокольчик и сказал:

— Товарищи, положение на фронтах очень тяжелое. Немецко-фашистские дивизии рвутся в Сталинград. Линия фронта приближается к нашим местам, и Кавказу. Обком партии принял решение создать партизанские отряды. — Потапов оглядел собравшихся и заключил коротко: — Не сомневайтесь, что это решение вы поддерживаете. Кто против слова?

Поднялись сразу много, много рук. Коммунисты говорили горло. После выступления подошли к стойке, где сидела девушка — инструктор райкома, и вступили в партизанский отряд.

Одной из первых записалась Анна Калашникова, секретаря райкома комсомола. На следующий день Аня, едва райкомские дела, попрощалась с матерью, младшими сестрами и ушла с отрядом в горы.

2

Начался партизанская жизнь — дни, полные боевого напряжения, опасностей.

Однажды Аня вместе с партизанами Анной Шапко и Павловым вызвал командир и приказал разведать, что делается в соседнем селе.

Переведшись в черкеши, разведчики отправились в путь.

Они двинулись сначала по краю дороги, потом кустарником поднялись на холм и стали спускаться в долину, к селу. В горах все кажется близко, расстояния скрадываются; идти до села пришлось долго.

Доходя до первых домов, Аня остановилась: — Мы побудят здесь, а я пройду дальше. Ждать пришлось недолго, Аня быстро возвратилась.

— Фашисты отбирают у населения лошадей, ишакое: хотят дунуться к месту, на Мархунский перевал... Оставайтесь здесь и наблюдайте, а я побегу в отряд. Надо во то что бы то мы стало отрезать им путь...

Когда разведчица вернулась к своим, откуда на ней была изорвана: Аня бежала через кустарники напрямик. Черкеску пришлось по дороге сбросить, чтобы не мешала. Так и осталась Аня в своей красной блузе, той самой, в которой обычно ходила на работу в райком.

Торопились она недаром: командир, выслушав сообщение разведчицы, тут же распорядился поднять отряд по тревоге. Партизаны успели окружить мост за несколько минут до того, как на него вступила неприятельская колонна.

Бой был коротким. Вражеские солдаты, не ожидая нападения, метались по мосту, не зная, куда бежать, и почти все повалили под партизанскими пулями.

Забрав трофеи — навьюченных лошадей и ослов, — партизаны взорвали мост и двинулись к подножию перевала. Они уходили все дальше и дальше в горы.

Приказ командира был строг: а населенные пункты не заходить, никаких следов не оставлять. Все понимали: за отрядом может быть погоня.

Однажды ранним утром около партизанского лагеря послышались выстрелы и в нескольких местах предзвездную мглу разорвали ракеты.

Отстреливаясь, партизаны спустились в долину. Но и там наткнулись на засаду. Завязалась бой.

Уже давно растаял туман, уже высоко поднялось солнце, а это все еще разносило по горам пулеметную трескотню.

Притаившись за большим валуном, Калашникова вглядывалась в недалекие кусты. Как только они начинали шевелиться, она давала короткую очередь из автомата.

Вдруг она услышала голос Анны Шапко: — Аничка, да ведь тебе ранено.

Калашникова осмотрелась. Да, все ноги в крови. Когда же это?... В горячке боя даже не почувствовала ничего.

— Лежи спокойно. Сейчас перевяжу. Блузку-то свою красную юбку бы сняла. Ее за километр видно.

— Блузку? Да, да... Совсем забыла. Откуда ей было знать, как надо вести себя в бою Нет, храбрости одной недостаточна. И хитрость нужна, сметка, умение...

Лечь Аня не могла. Услышала, что на левом фланге выстрелы становятся реже, подумала: «У наших патроны кончатся». Сняла с убитой лошади ведро с патронами и поползла на помощь.

...Ничью остатки отряда проблись сквозь вражеское кольцо. Обманув противника, ушли от погони. Но вперед партизан ждали новые трудности.

3

По извилистой горной тропе, то поднимаясь к снежным шапкам вершин, то опускаясь в ущелья, преодолевав быстрые реки и головоружительные отвесы, шли люди. За их спиной остались сотни километров пути. Казалось, никогда не кончится эта пятляющая тропя.

Продукты были на исходе. Все их запасы уместались во выюках на двух лошадях. Но враг исчез и эти последние крохи: замешкался один из проводников, что держал под уздцы лошадей, оступились усталые кони и рухнули в пропасть.

Ити было трудно всем, но Аня особенно: она распухла. И Аня вовсе не удивилась, когда через две недели в госпитале, в Махачкале, врачи сказали:

— Ну, видно, придется ампутировать... Аня грустно улыбнулась и ответила:

— Долгим часам, лежа на койке, она обдумывала все, что произошло. Нога нестерпимо. Но это был заглушена другая: что с мамой? Что с сестрами? Закумариваться что, как стало известно, не успели, и Аня почему-то считала себя виновной в этом.

Через несколько дней, опираясь на палку, она ушла из госпиталя. Врачи разводили руками:

— Ну и характер! Будем надеяться на природу...

Калашникова отыскала партизанский штаб. Оставив палку в прихожей, она вошла в комнату.

— Как здоровье? — спросили ее. — Хорошо? Добре. В Москву в партизанскую школу поедешь? Завтра самолетом в Краснодар, а оттуда в Ташкент. С тобой вместе поедут две девушки.

Но в Ташкенте Аня снова попала в госпиталь. Опять назначили консилиум. Однако, прежде чем он успел состояться, Калашникова... исчезла из госпиталя. Врачи удивлялись: «Куда она могла уйти в одной майке и шарф-растя?»

Калашникова отыскала подругу, и первое, что сказала при встрече, было:

— Направление в школу выписано на трое. Если вы вдвоем уедете, у меня не останется никакой бумаги...

— Когда еще это будет? Тут две недели за одним билетом на вокзал простояли...

— Уедем немедленно. Пойду в ЦК партии республики, нам помогут.

Вечером все три девушки уже сидели на московской поезд.

НЕ ЗНАВШИЕ СТРАХА

1

Как быстро идет время! Всего три месяца назад Калашникова приехала в Москву, а сейчас вместе со своим товарищем сидит в кабине военно-транспортного самолета. Он летит в район Грозной, С, чтобы там, над глухими лесами, сбросит десант.

Прислонившись к стене, Аня думает. О чем? О том, какие опасности ее ждут? Нет, к опасности она уже привыкла. Аня вспоминает, как вместе с подругами приехала в Москву, как встретили ее в ЦК комсомола. Вспоминает дни учебы в партизанской школе, преподавателей, которые обучали ее новой специальности — минно-подводному делу. Занималась она хорошо, переживая каждую удачу и неудачу. Но никогда она не волновалась так, как в тот день, когда выпускника школы осматривала медицинская комиссия. Много лет «отсидела». В число «отсуженных» попала одна из девушек, приехавших вместе с Аней.

А вдруг врач скажет: «З-э, а у вас ного нет в порядке...» Но природа взяла свое: нога, вопреки прогнозам медицины, уже зажила.

И раздумий Аня вывела песня. Запел выпускной отряд. Потом подхватили все сидевшие в самолете. Аня знала слова этой песни: она прочтала их впервые в рупонском журнале «Народный мститель»:

Может быть, в часы привала,
Отдыхая у костра,
Вспомним мы, как ты шагала
С нами, друг наш и сестра.

По лугам и по просекам,
Партизанско-тропкой
Мы ходили по болотам,
Наш товарищ боевой.

Может быть, промчатся годы,
Снова встретятся в бою,
Не страшны нам все невзгоды —
Нам, не знавшим в жизни страх.

Аня обернулась: ребята пели и улыбались. Она поняла: это для нее парашютисты заплескали веселье; ведь она единственная женщина в отряде.

Деять мужчин и одна женщина. Сейчас им предстоит выиграть из самолета, и после этого в боевой библиографии каждого откроется новая страница...

Самолет выключил моторы, пошел на снижение. Вспыхнули сигнальные лампочки: «Прягать!»

...Несколько дней они блуждали по лесу: оказалось, что летчик ошибся и сбросил парашютистов в расположении другого парти-

Рисунги А. Турье.

занского отряда. А здесь пароль не тот, что получили они в Москве... Встретили как-то в лесу человека, попытались с ним заговорить, а он посмотрел на них подозрительно, прикинулся престанком и ничего не сказал. А ведь чуть подкашывало — это был партизан.

2

Пополнение в отряде встретили радостно. — Подрышники есть! Аня и еще несколько товарищей сделали шаг вперед. — Вот и хорошо. Работенка вас дожидается. А пока отдыхайте, осязавайтесь. Осязаться пришлось недолго. Через день Аня вызвали к командиру. — Нравится у нас, товарищ Калашникова! — Очень... Тут целый город — и «дома», и типография, и даже баня. Словом, обосновались капитально. — Ну, раз нравится, приступайте к делу. Смотрите по карте. Вот здесь, на окраине города, — два склада боеприпасов. Их надо... — командир сделал резкое и короткое движение рукой вверх. — Ясно! — Ясно.

С вами пойдут комсомольцы Николай Юшков, Николай Потапов и, кроме того, несколько человек для прикрытия. У северной окраины города, вот здесь, — домик. Пробраться в этот район. Ждите сигнал журавлем колодца: три взмаха — можно подходить, четыре — нельзя... Только сначала хорошо разведать все.

К исходу дня, когда ранние январские сумерки чуть заметно начали гаснуть, Аня со своими товарищами отправилась к городу. На доходя до первых домов, партизаны спрятались за укрытие. Стали ждать. Колодезь ядично горю. Но он неподвижен. Прошло пять минут, десять, пятнадцать... И вдруг журавль колодца поднялся вверх. Раз, два, три... Четвертого не последовало. Идти можно!

— А кто же нам сигнализирует? — спросила Аня.

— Тут, на окраине, один старичок живет, лесник, — ответил Юшков. — Он у полиции вне подозрений.

Снег немного подтаял, не скрипит, идти хорошо. Только разговаривать нельзя: во влажном воздухе даже слабый голос слышно далеко.

Много часов пролежали комсомольцы в снегу, присматриваясь к мельчайшим подробностям обстановки у склада. Замечено: часы времени караул уходит влево... Часовой стоит времямаки так, что можно подобраться к нему незаметно... Под зданием, видимо, есть отдушины. Туда и придется заложить мины и т.п.

Разведка продолжалась несколько дней. Наконец вызвал командир отряда:

— Завтра! Врзня — 22 часа 10 минут. Чтобы вам удобнее было скрыться, в другом конце города проведем «отвлекающее мероприятие».

«Журавль колодца» потонул вверх трижды. Аня, Юшков и Потапов переглянулись: «Вперед!» Далее все произошло молниеносно: убрал часового, заложил мины, отбежали и легли в снег.

Воздух дрогнул. В небо поднялся гигантский огненный столб.

Как трудно бжакать! Бывает же такое: ноги совсем не слушаются. И подтаивший, осевший снег, по которому так назад они ступали так легко, кажется вязким, как песок...

Не успела Аня и ее товарищи отойти и трюк от метров, как послышался новый взрыв — уже в противоположном конце города. Вот оно, «отвлекающее мероприятие»!

Все произошло так, как и рассчитывали партизаны: после первого взрыва фашисты по тревоге подняли своих солдат, но в это время раздался второй... Растерявшиеся оккупанты погнались не за той группой, которая взорвала склад, а кинулись к мосту. Но там догонять

было некогда: шум наделили мины с кратковременным заводом, которые были заблаговременно заложены партизанами под мост. Когда группа вернулась на базу, командир отряда крепко пожал Аня руку.

— Ты просто герой, черноглазая! Аня была довольна. На какой-то момент она гордо приподняла голову, но тут же спохватилась. — Спасибо... Это наша работа.

3

«Наша работа...» Как просто она ответила! Слово речъ шла о чем-то будничном, обыкновенном.

Нет, Аня сейчас совсем не была похожа на ту девушку, которая несколько месяцев назад пришла к партизанам. У нее тогда были только молодой задор, презрение к смерти и героиче желание мстить врагу. Теперь ко всему этому прибавились выдержка, опыт, знания. И когда командованию отряда стало известно, что в немецком штабе готовятся крупные оперативные совещания, Аня включила в группу, которая должна была взорвать здание штаба. Кроме Ани и Юшкова, в группу входили Николай Потапов, Василий Шестаков и еще несколько человек.

Начали разведку. Переодевшись в немецкую форму, Аня по вечерам отправлялась в город, в район штаба. Возвращаясь, приносила новые и новые сведения. Ей жали руку, говорили: «Идите отдыхать».

Но какой там отдых! Спать совсем не хочется: сердце стучит, нервы напряжены. В городе на каждом шагу патрули, «полицейские». Бдительность их обманывает только то, что партизанские разведчики одеты в немецкую форму и знают на всякий случай пароль.

Разведчиком помогал лесник-партизан. Однако встречаться часто с ним нельзя: могут заповодить. И встречн назначал он сам. Если из трубы дымо идет густой дым, значит, лесник хочет что-то сообщить.

День и час совещания в штабе удалось установить точно: данные разведки подтвердились документами, попавшими в руки партизан.

...Переводившись во вражескую форму, партизаны отправлялись в задние районы. На этот раз, кроме оружия, взяли с собой detonационные мины. К зданию штаба одна за другой подъехали машины. Из них в сопровождении адъютантов выходили офицеры. Уже половина десятков. Совещание должно было начаться, а машины все подходили и подходило. Может быть, время совещания отсрочено? Это плохо. Ровно в десять сменяется караул...

Подождали еще немного. Шум машин затих. В воротах стоял только один «полицейский». Сразу же заметил подхаживших и оклинул их. Ему ответили паролем на немецком языке. А спустя несколько секунд, когда первая из подхаживших порывалась с «полицейским», он услышал слова, сказанные по-русски.

— Если крикнешь, умрешь. За мной идут семь человек. Всех пропустите.

Опешивший «полицейский» пропустил всех за ограду. Остался самово трупом — убито-железом. Уже половина десятков. Совещание должна охрана была внутри двора. В тени забора удалось пробраться к часовым довольно близко и бесшумно убрать их. Все шло хорошо. Калашникова, Потапова, Юшково и Шестакова успели быстро заминировать здание. По сигналу все устремились за ограду. Минирование окончилось и бросила в подвез дом противотанковую гранату. Раздался взрыв, а следом за ним — Калашникова уже была за воротами — «сработала» все четыре мины, заложённые в фундаменте.

Как Аня бежала по переулку, как свернула во двор, как лезла через какие-то заборы — не помнила. Она испытывала только одно: чувство радости, торжествующей, безудержной, рвущейся из сердца. Удалось кричать: «Так вам всем, проклятым... Таня!».

Все прошло как будто удачно. Только рискованный бросок гранаты в такой близости от дома не остался без следа: долго давал себя знать осколок, засевший в плечо...

4

— Ну что, цыганочка? Опять на задание? — Опять...

Иной жизни в это время Аня себе не представляла. Слова и родные дела, а затем мысли и никакого прошлого не было. Все именно казалось ей маленьким, незначительным. Но это на первый взгляд. Стоило приступить к тому, что пережить, — и оно вырастало, ширилось на глазах. И все прошлое было подготовкой настоящего. Да, да! И стихи Маяковского, и споры на комсомольских собраниях, и работа в райкоме, и вечеринки, на которые собирался молодежь, чтоб спеть песни, — все это для Ани было подготовкой к взрыву фашистского штаба, подготовке к караву.

Наша советская действительность так важна, что она вызывает к бурной жизни ростки ее возвышенного. И вырастает на нашей земле Люди с большой буквы, Люди, стартовавшие в жизнь и ради творчества ее не боящиеся смерти.

Такими были боевые товарищи Ани. Такую была она сама.

Поручение, которое имела Аня на этот раз, не было похоже на предыдущее. Вместе с командиром Исаковым и двумя командирами Женей Байдуковым и Катей Ивановской она ежедневно отправлялась на затевание оккупантам восстановление разрушенных шловоэлектростанций. Смыслилось, что в какой-нибудь город, городки немцы шловоэлектростанций, партизаны готовились к диверсии.

Изумленные, голодные люди таскали и укладывали камни, носили песок к шловоэ. За работой, кроме часовых, наблюдали офицеры и командир штаба. Стояли кому-нибудь на минуту остановиться, чтобы передохнуть, как слышался окрик:

— Подойди ко мне! Фамилия! Имя! Больше всех кричал пожилой, диный, как жиды, лейтенант с армейским ружьем. Однажды, остановившись около Калашниковой, он несколько минут пристально следил за ее работой — что пережила Аня за эти минуты! — а потом, кивнув головой, сказал:

— Гут! Хорошо!
Когда он отошел, одна из женщин, подоспевших кириш, бросила на Аню презрительный взгляд:

— Отличиться хочешь, стерва!
Аня не плакала, глаза и продолжала. Не станешь же объяснить этой женщине, кто ты, кто твои подруги и почему они все стареются не получать замечаний.

В последние дни строительства надзираешь так чинить минами. С того лица его не сходила довольная улыбка. Но однажды вечером один за другим раздался два взрыва, и все, что было восстановлено оккупантами, рухнуло...

5

Партизанам была знакома не только радость побед, но и горечь неудач, тяжелое чувство утраты близких товарищей.

Аня не плакала, когда врачи в госпитале хотели ампутировать ногу. Не плакала, когда было тяжело, очень тяжело. Только губы сжимала плотнее и молчала. А тут не удержалась: не стало сразу нескольких друзей...

Не успев города был захвачен фашистским патрулем Исаков. На одной из ячеек квартиры арестовали Катю Ивановскую. В гестаповской застенке оказалась Женя Байдукова. Комсомольцы держались стойко.

Когда Исакова превалил на допрос, ему предложили:

— Скажите, где находится партизанское подполье, и мы освободим вас.

Исаков сначала молчал, а потом сказал:

— Развяжите руки, и я начерчу вам план расположения отряда.

Улуча момент, когда часовой отошел, а следователь отрывал стол, Исаков оторвал заплатку на ватнике, где была спрятана маленькая мина, зубами надгрыз взрыватель. Допрашивать было уже никого...

Катю Ивановскую и Женю Байдукову гестаповцы пытали несколько дней. Но девушки не сказали ни слова. Их решили публично расстрелять, чтобы устрашить население.

Обессилевшие, измученные, без кровинки в лице, девушки брели в сопровождении новых к месту казни. Вступив на мост, Катя Ивановская подняла гордо голову и, оттолкнув солдата, прыгнула в поляну. Люди, которых фашисты согнали на казнь, слышали ее последние слова.

— Прощайте, товарищи!

— Не душа до площади и Женя. Плонув в лицо подождавшему к ней гестаповскому офицеру, она крикнула: «Скоро всем вам конец будет!»

Сергей ТКАЧЕВ

Парк

Отгнем рабин мне дорог этот лес
И шлопотом тайнственным берез.
И ранен был во время боя здесь
И стигнул зубы, треск сухог полз.
Мне не забыть летных холодных рос.

И вот теперь я прихожу сюда
Среди пахучих осок отдохнуть,
Девичь с цветами вижу здесь всегда
И вспоминаю тот тяжелый путь.

И Которым полз и не хотел свернуть.

Отрадно мне, что в нашем парке — жизнь,
Что не осколки — песни здесь звенят,
И что березы выше поднимались,
И не ракеты — фонари горят.
Не жуки здесь, а иволги свилят.

В тот грозный день я — раненый солдат — в лес подумал: «Вот как парку быть.
Дай только срок врага нам сокрушить!» —
И обшлось: мой парк одет в парад,
Тут детский городок тепер шумит.
И это мне дороже всех награда,
И это все я мзире говорю!

г. Сталинградск.

Автоматом из охраны застрелил Женю...

Не стало и старого лесника. Видно, на него кто-то донес. Немецкие солдаты приваляли лесника вместе с дочерью к тому самому колючу, журавлю которого подавался сигнал партизанам, и в летнюю зимнюю стужу обливали его до тех пор, пока тала их не покрыла соль льда...

Вспоминя павших товарищей, партизаны каляис еще сильнее мстить врагу.

16 февраля Аня, Потапову, Юшково и Шестакову поручили взорвать вражеские шловоэлектростанции с танками нового типа. Не надо было не допустить до линии фронта именно этот состав. Тут нельзя действовать, как обычно: заминировать железнодорожное полотно или рельсы не удали. Надо сидеть, держаться в руке штур и ждать.

Приметы шловоэла были известны. В помощь подрывникам штаб придал сигнальную группу. Пост ее находился навдалеке, а той стороны, откуда поезда идут на фронт.

И вот уже целые сутки ждали комсомольцы под сигналом, куда они пробирались ночью, и ждт момента: днем — разрыва противотанковых гранаты, ночью — зеленой ракеты.

Один за другим над головами подрывников проносились поезда. Ано слышала сигнал навет. Лежать холодно, снег под животом подтал. Сограться бы, но двигаться нельзя...

«Ох, мама, если бы ты знала, где сейчас находится твои Аня!» Она вспомнила о матери, которая столько за ней и в тоже ничего не знало о маме. Жива ли она?»

И так тяжело, а тут еще эти мысли. Нет, мысли приходят, верно, не случайно. Когда трудно, тяжело, всегда вспоминаешь о матери. И вот уже расстояния защитит тебя, согрет своею любовью.

Аня услышала шум, наступило время. Над лесом взлетела зеленая ракета. Поступили так, как договорились заранее: прыгнули на лед, побегали в кустарник. Часовому не видно: он в другой стороне. А услышав шаг он не может: повед уже близко. Даже слишком близко! Сигнал немного запаздол. Далеко не отбежешь. Вот уже взехали на мост платформ с балластом, вот прошел первый взрыв...

Аня дернула за шнур. Сухой удар павшая резко рассек воздух. Потом в глеза полкнуло огнем, и что-то болтало, черное навалилось на нее и потонуло вниз...

РОДИНА, Я ТВОЯ ДОЧКА!

1

То, что произошло, стало известно Калашниковой только потом... Очнулась она уже в Москве, в госпитале. Но Аня долго не знала и этого. Она чувствовала, как хлопотали около нее сестры и врачи. Вот кто-то бережно приподнял ее, дал пить. Кто-то поправил одеяло. Потом в руку... В ладонь острая боль. Это, наверно, делают отцы или вливают кровь.

Но кто? Перед глазами черная тля. Ничего не видно. Не видно и не слышно. Кругом двадцать тишина.

Прочел девчонка второй, третий... Если тебе поднимешь холодное стекло градусника, а зует умявляет лобик,— значит, ночь прошла, наступило утро. Если в рот лют горьковатую воду,— значит, пришел вечер и тебе дадут снотворное.

Аня полностью лишилась зрения и слуха. Сначала она считала дни. Потом неизменно поднялась температура. Целые сутки Аня металась в жару и как ни пыталась потом вспомнить, сколько дней прошло, так и не вспомнила.

Однажды она услышала какой-то шорох. Услышала! Это было хороним предзнаменование. Слух стал восстанавливаться, и скоро Аня могла различать слова.

Который-то раз она услышала был взорван очень удачно: часть платформ, груженных танками, вместе с мостом рухнула в реку, часть свалилась под откос, вагоны с боеприпасами загорелись. При взрыве Аня была сильно контужена. Товарищи назвали ее не сразу: Аня засыпало обломками, песком, снегом. К утру партизанку доставили в отряд, а оттуда на самолете — в Москву.

Аня не надавала врачам и сестрам жалобами и просьбами — лежала и думала. Вспоминала боевых товарищей, комсомольцев: какие хорошие ребята — храбрые, добрые, веселые!

Мысли о друзьях смешивались мрачным раздумьем: «Что же теперь? Мне только двадцать четыре года. Быть слепой, жить в полную меру... Вызывать к себе сожаление... Нет, лучше ничего этого не надо!» Она припомнила Павку Корчагина. Он ведь нашел в себе мужество жить. Но одно дело размышлять о любимом герое... И совсем другое — самой испытывать это тугое чувство беспомощности.

Она поднималась к кроватю, нащупывая дорогу, пошла к окну. Оно не замкнуто. Аня это знала, когда ей было душно, нива обычно открывала «одну полоннику». Почувствовала холодный камень подоконника, она протянула руку вперед, чтобы найти скобу... «Сейчас все кончится, все мучения, все сомнение... Своей воздух павиле» в лицо, часто-часто заступило сердце... И сразу что-то повернулось в сознании.

«Изины, ты все-таки хороша! Пусть такая, пусть оглушенная, слепая, но я могу жить, жить и работать, как все».

В это время слыди послышался голос медсестры. Аня резко повернулась. Ее стало стыдно своего малодушия. «Догадалась ли сестра? Пришел еще кто-то. Кажется, профессор Иванов. Больную ни о чем не спрашивая, помогли дойти до постели, лечь...»

Утром, после унывания, снова пришел профессор.

— Вы будете видеть! Обязательно будете! — решительно сказал он и сжал Ане руку. Слева потянулись долгие дни... Однообразие их скрашивало только то, что к Ане часто приходили друзья по спешке, московские комсомольцы.

Каждый раз, совершая обход, врач повторял одну и ту же фразу:

— Вы будете видеть.
И настал такой день, когда в глазах Ани забрезжил свет...

Зрение стало восстанавливаться быстро. Аня часами просиживала у окна, смотрела на улицу. Как давно не видела она людей! Весеннее солнце нагрело темный камень подоконника. И теперь ничто не напоминало о той мучительной ночи, когда Аня хотела оборвать свою жизнь.

А через некоторое время Аня уже выписалась из госпиталя. Ее хотели отправить домой. Но она решительно настаивала: «Только на фронт!»

Перед отъездом на фронт Аня вместе со своими новыми товарищами побывала на могиле Зои Космодемьянской, где приняла клятву на верность Родине, на верность священной делу ее освобождения.

2

Летом 1943 года Мария Ильинична Калашникова получила известие: «Ваша дочь пала смертью героя в боях против фашистских захватчиков».

Непереваримо было горе матери. Не могла она сразу исполнить о своей родной «чернышке» сестры.

Что же произошло?
...После госпитализации Аня получила назначение на север, туда, где шли бои с белофиннами.

Боевая группа, в которую она была определена, имела задание — взорвать в тылу врага два железнодорожных моста и пустить под откос несколько эшелонов. Группа состояла из десяти человек. Люди для Ани новые, неизвестные. Командовала ими полевой художественный мужчина высокого роста, Загорный. Приходу Калашниковой он почему-то не обрадовался. А когда она сделала несколько замечаний по поводу слишком долгих сборов в дорогу, Загорный со снисходительной улыбкой заметил:

— Такая юночка, и еще шумит! А в походе, небось, себя по-другому будет вести. Ей и рязков-то не достать...»

Безвестно как, но об этом узнали в штабе. На недоуточный жест Загорного предупредили:

— Смотри, эта «юночка» опытные многих из вас...

Перевели линию фронта. Начали углубляться во вражеский тыл. Идти трудно. Есть дорога, но двигаться по ней опасно: могут обнорочить. А чуть свернешь в сторону — болото. Обнаколось. Много озер. Светло круглые сутки: стоит белая ночь.

Дошли до реки Тунки. Переправившись на плотах. Дальше шли лесом. Через этот лес и проходило железнодорожное полотно. Но добраться до него трудно: у самой насыпи снова болото.

Мосты оказались неподдаются. Один даже поручили заминировать аие. Прикрывать ее на случай нападения должен был Сичев, паренек на год старше Калашниковой. К другому мосту отправились Гриша Швед и еще двое.

Загорный вместе с четырьмя бойцами остался на пригорке, не доходя до болота: нужно было обеспечить аминерам тыл.

Заложив под мост мину, Аня отползла по кочкам в сторону, держа в зубах кончик шпурра...

Вскоре из-за поворота показался эшелон. Он шел медленно, осторожно. Вперед, как обычно, две платформы с балластом.

Варья раздался тогда, когда паровоз почти миновал мост. Железная машина чуть подпрыгнула и вместе с вагоном рухнула вниз. Аня видела, как недалеко от нее упал железнодорожный эшел. Хотела подняться вверх, взять его, чтобы унести с собой как вещественное доказательство, но над головой засветили пули.

Из вагонов, оставшихся на полотне, выпрыгивали солдаты... К счастью, их было немного. Давая время от времени автоматные очереди, Аня стала отползать. Бежать нельзя: либо убит, либо провалиться в трясину. Хорошо, что в это время прозвучал второй взрыв: он отвлек от нее внимание стрелков. Калашниковой удалось добраться до пригорка. Здесь, в кустарнике, должна была находиться группа прикрытия. Огляделась вокруг — никого не видела.

«Где же они! Может быть, подумали, что я убила, и ушли! А может, решили атаковать эшелон с другой стороны!»

Снизу затрещил пулемет. Аня легла на землю и снова поползла. Из-за пригорка оказались Гриша Швед и его товарищи, возвращавшиеся с другой стороны.

Подождали. Потом решили: «Больше здесь оставаться нельзя. Чего доброго, фашисты начнут прочесывать лес... Но как идти, куда? Нет ни карты, ни компаса: все было оставлено в группе Загорного...»

3

Уже который день четыре человека брели по лесу. Сколько озер обогнули, сколько болот покрестила, а речки Тунки все не видно. Но впереди, в стороне...

О ком-то вспомнили только в начале пути. Потом стали больше думать о хлебе, о спичках.

Птицалик брусничной, черники, грибами. Однажды удалось подстрелить рябчика... Удивительно, удалось дичь пропала!

Ноги с каждым шагом тяжелили. Кроме голода, появился еще один враг — анатия. Хоте-

лось лечь и не вставать. Но надо идти вперед.

— Подожди, Аня. Давай отдохнем, — сказал Гриша Швед.

— Отдохнем. Только недолго...

— Какой день мы идем! Девятый?

— Нет, восьмой...

Лицо у Григория бледное, почти белое. Глаза ввалились, и под ними разлилась густая синява.

«Наверно, и я вот такая же», — подумала Калашникова.

— Плохо, Гриша!

— Плохо.

— Держись, друг, держись. Еще немного.

— Пошли.

Гриша поднялся и упал. Его начали тормошить, делали искусственное дыхание — никакого результата. Тело Гриши как-то обмякло. Глаза широко открылись, как в испуге... Когда его опустили на мех и послушали сердце, все стало ясно...

Похоронили Гришу под ветвистым деревом. Аккуратно засыпали могилу землей. И двинулись дальше.

На одиннадцатые сутки в лесу увидели мертвого лоса. Вероятно, медведь задал да не доел. Легли на траву и стали прямо зубами отрывать от костей высохшее мясо.

Еще шли двое суток. По дороге стали попадаться простреленные каски, противояз немецкого образца.

— Значит, недавно здесь был бой.

— Нашли гранату. Решили бросить ее в озеро, чтобы нагнать рыби.

— А если нас обнаружат по этому звуку? — Ну и пусть. Если наши — подберут, если «нулевы» — будем отстреливаться. Лучше погибнуть в открытом бою, чем умереть с голоду.

ЭТО БЫЛО В СОРОК ЧЕТВЕРТОМ...

На четырнадцатые сутки перешли вброд каку-то речку и вдруг заметили в кустах людей в масках. Щелкнули затворы автоматов.

— Стой!
— Свои! — крикнула Ана.

— Пароль!
Калашников и ее товарищи подняли автоматы полами вверх.

— Кто вы!
— Из группы Загорного.

Пришедшим дали по кусочку хлеба — сразу нехватка после такой голодовки опасно — и отправили в батальонную кухню. И тут Калашникова впервые потеряла сознание. Смыч, которые до сих пор держались только она нервах, покинули ее.

Отдохнув, Ана позвонила в штаб. Оказалось, что по сведениям, полученной там от командира отряда, Калашникова значилась погибшей, и Ано долго расприрашивал, желая лишь раз удостовериться, действительно ли это она у телефона...

Вот так мать Калашниковой и получила летом 1943 года весть о гибели дочери.

Как видите, это целая история, полная суровых эпизодов, каждый из которых оставил памятную страницу в биографии Ани, каждый из которых был уроком в школе войны и жизни.

В январе 1944 года в ЦК ВЛКСМ проводилось совещание девушек-партисток. Отсюда съехались сюда молодые патриотки. Здесь были и Татьяна Логунова, и Елдокия Карпачкина, и Вера Мисарова, и Наталья Сидорова. Они рассказывали о своей партизанской жизни, о славных боевых делах народных мстителей.

После совещания участники его разошлись по городам нашей страны для того, чтобы вести агитационную работу среди молодежи. Калашникову ЦК ВЛКСМ направил в Омск. Оттуда она вернулась в Москву через месяц. О том, что ею было сделано за это время, рассказывает короткое письмо, которое прислал в Центральный Комитет ВЛКСМ секретарь Омского обкома ВЛКСМ по пропаганде. Он писал:

«Партизанка А. И. Калашникова... велла работу на предприятиях и в колхозах Омской области с 7 по 28 февраля 1944 года. Она сделала 52 выступления перед молодежью, три раза выступала по радио, побывала в двух сельских районах, где встречалась с молодежью восьми колхозов.

Яркие выступления Калашниковой, человека с богатой биографией, зажгли молодежь, вдохновили на новые трудовые успехи. Так было, например, на «Сибгазод». Выслушав взволнованную речь Калашниковой, комсомольцы поднимались на трибуну и брали на себя новые социалистические обязательства. Здесь же, на собрании, одной из лучших молодежных бригад было присвоено имя партизанки Калашниковой.

***

На этом сведения о Калашниковой, полученные в архивах и от людей, близко знавших ее, обрываются.

И вот недавно нам удалось встретить Ано. Она живет в станции Зеленчукской, Старополюского края.

Мы узнали, что в 1944 году, после поездки в Омск, она снова вернулась на север, но вскоре, по настоянию врачей, была демобилизована. Училась в краевой партийной школе, потом стала работать инструктором в райисполкоме.

Эту невысокую смуглую женщину с орденскими планками на отвороте жакета в станции Зеленчукской хорошо знают. Знают и уважают. Уважают не только за прежние боевые заслуги, но и за сердечность, доброту. Ни один человек, пришедший и из райисполкома за помощью или советом, не уйдет, не сказав спасибо.

Часто Ане приходится бывать в командировках. Попрошавшись с мужем и ребенком, она захватывает в руки чехолы и идет в села и станции. Тут знакомы ей каждое взгорье, каждая тропинка, тут все родное, близкое. В этих местах она родилась и выросла, здесь начиналась ее боевая биография.

Запах хвоя густой и острый,
И настойчивый знон цикад...
На террасе в пижамах неспроста
Отдыхающие сидят.
В голубых дворцовых покоех —
Стелит ряд санаторных коек.

Шелестит фонтан за стеною,
Море нежится под луною...
И, задумчиво дым пуская,
Кто-то вставил среди тишины:
— Не бойку, как раса такая
Удаела на огне войны!

И никто ему не ответил,
И затых на миг разговор.
Только вышка из трубы пепла
Худоцвайной седой майор.

...Это было в сорок четвертом.
Оборону лояма к черту,
Сутки в марши лопав в обрел,
Оставая в ущельях мертвых.
Через горы, сквозь дикий лес,
Под огнем неприступных дотов,
В гимнастерках, рыбых от пота,
Ша,

целясь,
полаза нехота
К морю, немцам наперез.

А вокруг весна бушевала.
Дымом розовым цвел жиндаль,
И нетронутая лежала
Голубая морская даль.

Ночью, поднятый по тревоге,
Сделав крох по лесной дороге,
Смыч эсэсовский гарнизон.
Ко дворию среди горных склонов
Мимо белых резных балконов
Лыво и мраморных абаконов
С ходу вырвался батальон.
Все дышало горячий бой.
Плмми жакет в волнах прибой.

Догорал под скалой блиндаж,
На полу молчаливо зам —
Патка крови, диски, запалы.
Весь в снаряжных воронках влжж.

Дым рассеивался по склонам,
Затихла орудиный гул...
И тогда командир батальона
В первый раз на дворец валаганул:
В небо башни его возлагал,
Вверх тянулся каждый зубец.

Он готов был взлететь, казалось,
Словно птица, чужо-дворец.
Был фонтан из нищи ослепной,
В розах выжились — пышный двор...
И под мраморные колоны,
Сняв шляпку, шагнул майор.

И застала... У стены узорной,
В углоке, где лопной смур,
Офицер в эсэсовской форме
И змею — бифурдов шпур.

Крик в тиши раскатился гулом.
Стиснув зубы, — один прыжок...
Охлула выстра. В баро голкунул.
Не почувствовал он осок.

Черный браунинг сбит с прицеда,
Пальцы хрустнули. И в упор
В опашающего офицера
Своя «ТТ» разрядила майор.

...Это было в сорок четвертом,
По дороге к Салузгор...

Огоньками блестят курорты,
Море в лунном спит серебре.
И идет по ночному парку
Вдоль двора у подножья гор,
Опярясь слегка на папку,
Худоцвайной седой майор.

г. Симферополь.

Фото В. Тюккеля.

Рисунки В. Каменского.

Людвик АШКЕНАЗИ

ПОЦЕЛУЙ

Рассказ

Однажды в тополанский местный народный комитет пришло письмо из советского города Новосибирска. Писала некая Ольга Богучарова, врач детской поликлиники: «Уважаемые друзья!

Только недавно мне удалось узнать, что мой муж, капитан Иван Михайлович Богучаров, похоронен в нашем городе. Мне известно, что он был командант Тополан и что там он и погиб.

Обращаюсь к вам с просьбой. Надеюсь, она не покажется очень обременительной. Прошу в день рождения моего мужа, 9 октября, убрать его могилу цветами, если можно, красивыми розами.

Мой муж был у вас медиком, но, может быть, кто-нибудь из ваших граждан знал его, говорил с ним в последние дни его жизни. Меня бы порадовала каждая весточка, даже самая маленькая. Даже самая маленькая! Заранее благодарю вас. Ольга Богучарова».

Приветственно через две недели из Тополан был послан в Новосибирск ответ:

«Дорогая Ольга Богучарова, сестра! Тополанский народный комитет переслал мне ваше письмо. В мае-июне 1945 года я работала переводчицей в местной комендатуре и знала вашего мужа Ивана Богучарова. Я присутствовала также и при его смерти. Это случилось очень скоро после прихода советских войск. О могиле не беспокойтесь, она не забыта. На ней стоит памятник, а рядом растет серебристая ель. Напротив — школа. В эту школу будет ходить мой сын Владимир. Сейчас ему еще только три года.

В ту пору, когда я встретила вашего мужа, мне было семнадцать лет. Я была одной из тех, у кого на глазах развертывались большие события. И я тогда вслаб дневник. Посылаю вам несколько страничек из него. Может быть, в них вы и не найдете то, что ищете и к чему стремитесь ваше сердце. Не сердитесь на меня за это.

Записи мне не возвращайте, дорогая Ольга. В них много лишних слов, взгляните на них один только раз.

Обнимаю Вас и целую.

Ваша Бера Равакво «а».

К письму было приложено несколько страничек, вырванных из школьной тетради и исписанных мелким неровным почерком.

Записки предшествовал громкий заголовок: «Ковен войны!»

Потом начинался дневник.

«...Отступление немцев было ознаменовано у нас барабанным боем. Это похоже на Топола-

ны. Иротко, по прозвищу Капистран, ходил по площади с барабаном и громко кричал:

— Ставятся в известность все! Вчера ночью немецкое войско оставило городок Тополаны и, даст господь бог, никогда уже не вернется. Войско ищетело в неизвестном направлении, зернее всего, вернулось в немецкое государство. Из этого следует, что наш городок Тополаны освобожден!.

— Капистран, — сказала я, когда увидела глшатая, — дружище, разве о таком событии

надо оповещать барабанным боем? Ведь каждый и сам уже все знает.

— Знает или не знает, безразлично, — возразил он, — в Тополаны иначе не водится.

Староста Долееший вручил мне повязку с надписью «переводчица». Надо сказать, это отаргательный человек. Трус и предатель. Раньше, когда я была маленькая, он приходил к нам в дом и приносил мне леденцы. Сейчас, гладыеный и липкий, он сам напоимный леденец.

Когда я надела на руку повязку, староста осыдал меня таким взглядом, будто никогда раньше не видел.

— А как же косы, — спросил он, — вы разве их не отрежете? «Ваш» в его устах звучало странно и необычно. До этого он говорил мне «ты» и «Берушка».

Староста долго рылся в ящиках своего письменного стола, торпясь, складывая что-то в большую портфель, несколько раз лаяла в несгоревший шкаф.

— Наверное, меня будут допрашивать, — проговорил он, — почему я здоровался, как фашист, поднятием правой руки. Как будто мне это доставляло особенное удовольствие.

— Думаю, что лучше всего будет, если вы уйдете домой, — неожиданно сказала я. Даже не знаю, откуда взялась у меня такая храбрость.

Так я освобила старосту Долеешего от его службы в Тополанах.

Косы я действительно ношу. Но почему он меня упрекал за это, я так и не поняла. Мне можно поставить в вину, что я их сама не умею заплетать. Волосы мне заплетает мама в четыре косы. Она говорит, что у нее на родине такой обичай. Мама уроженка рязанской губернии. Отец привез ее сюда из русского лава.

Мама часто говорила, что в Тополанах ей тяжело дышать, а ведь в Тополанах чудесный воздух.

— Зачем же ты сюда ехала, если тебе тут тяжело дышать? — спросила я ее однажды.

Это было давно, в одно из воскресений. Мы шли с ней к пруду в Сварове; пахло ароматы корнем, и кричали чайки. Мы шли, обнявшись, но как мать с дочерью, а как две добрые подружки.

— Я любила твоего отца, — ответила она... Мы долго еще потом гуляли, но я уже ни о чем ее не спрашивала. Между тем меня мучили тагостные раздумья. Почему с нами живет этот пан Бржезовский? Если мать любила отца, она не должна была уходить от него. Говорят, что женщины нестойки. А я буду верна. Оставусь верна своему избраннику. Никогда не преддам его...

Я сидела одна в комнате за старостиным письменным столом, я голова моя кружилась от мысли. В эту минуту вошел он, и в моей жизни все изменилось. Я встала, потом опять села, а он очень спокойно спросил: — Вы переводчица? Я командант города.

Потом он еще поинтересовался, умею ли я печатать на машинке с русским шрифтом.

Богучаров подошел к окну и открыл его. С площади в комнату хлынул шум.

— Где вы научились русскому языку?

— Меня научила мама.

— Вот как! — произнес он рассеянно.

— Вдур на столе звякнула маленькая золотая пуговица; она оторвалась у него от воротника. Богучаров попросил иголку с ниткой и начал пришивать пуговицу. Держал иголку тремя пальцами, так это делают мужчины.

— Товарищ, — сказала я, — давай же пришью вам пуговицу.

— Спасибо, уже все в порядке, — улыбнулся, ответил Богучаров.

После обеда мы ободили Тополаны. Остановились перед старой ратушей. Поднялись на Черную башню, которая возмещалась над городком. Осмотрели бывший монастырь урсуллюнок. Там временно расположились лагерь немецких военнопленных.

Командование над лагерем принял учитель Козлик, возвратившийся недавно из немецкого лагеря Саксенгаузен. Целых пять лет Козлик провел за колючей проволокой.

Немцы имели смертельно усталый вид и были бледны. Козлик отборал у них одежду. Но этим он не ограничился. Он решил подвернуть плеченных той муштре, которой сам подвергался в лагере Саксенгаузен. Это была великая минута в жизни Козлика. Он очень долго ждал ее.

Немцев была лихорадка, губы у них потрескались, лица стали желтыми, восковыми. Но Козлик был неутомим и продолжал подавать новые и новые команды.

— Переводчица, — обратился ко мне Богучаров, — что тут происходит?

Я объяснила, что учитель Козлик изъявил желание стать начальником лагеря.

— Пожалуйста, — сказала Богучаров, — попросите учителя Козлика от моего имени, чтобы он это прекратил. Надо разместить пленных, а мы пошлем им врачей и питание.

Я перевела его слова. Козлик вспыхнул.

— Вы их не знаете, а я их знаю! — воскликнул он. — Я знаю фашистов, товарищ. Мне никто не возвратит сапоги, когда у меня из ног текла кровь и я должен был стоять двенадцать часов на морозе. Мне сломали три ребра, я навсегда лишился здоровья. Передайте это товарищу Якубу, может быть, ему неизвестно это. Я бы никогда никому не пришил злая.

Но пленным обувь он возвратил.

...
— Я подождала в печь несколько бумажных поленцев, и огонь разгорелся ярче. Я никогда не испытывала такого чувства. Может быть, только в раннем детстве, когда по утру просыпалась в комнате, залитой солнцем, а надо мной стояла мама. Да, так очевидно, выглядел счастье! Это чувство не передать словами. Однажды я была в Праге в Национальном театре. Перед представлением вдруг зажигались все люстры, одна за другой. Это ослепляло. Казалось, что в твоей душе тоже загорается свет. Это счастье. Как же оно могло ниюда выглядеть?

У стола сидит Богучаров и, склонившись, пишет.

Товарищ Богучаров, — неожиданно проговорил я, — вы женаты?

Он быстро взглянул на меня и кинул голову.

— Как ее зовут?

— Кого?

— Вашу жену.

Он удивился:

— Почему вы хотите это знать?

— Не знаю так, — сказала я, — Из женского любопытства.

Я так и сказала: «Из женского любопытства».

— Мою жену зовут Ольга, — произнес Богучаров и улыбнулся.

— Вы ее любите? — не унималась я.

— Почему вы задаете мне такие вопросы? — смущился он. — К чему это?

— Не удивляйтесь, я хочу вам что-то сказать, но это будет страшно глупо, — решительно проговорила я.

Не знаю, что со мной происходило. Даже сейчас не могу понять этого.

— Только не думайте ничего плохого, товарищ, — начала я. — Мне семнадцать лет, и меня никто еще не целовал. И я хотела, чтобы вы были первым. Не потому, что вы мне нравитесь. Знайте, вы мне вообще не нравитесь... как мужчина... Понимаете? Только потому.

Почему? — спросил Богучаров. Он как-то сразу все переменялся, а у меня было такое чувство, будто я сделала ужасную, непоправимую глупость. Он глядел строго и грустно.

— Не знаю, — сказала я, — не сердитесь. И не смейте думать...

— Нет, я ничего не думаю, — перебил он устало. — А что, пишущую машинку уже принесли?

Спустя немного времени Богучаров спросил меня, кем я хочу стать, когда вырасту. И еще ему захотелось узнать, писала ли я когда-нибудь стихи. От этого я оторвалась.

Богучаров отослал меня домой. Было уже поздно, и мать начала беспокоиться. Я легла к ней в кровать и долго плакала, а она меня не чем не спрашивала. Я невнятно гуляла, прямо-таки гусиным.

Богучаров, наверное, думает, что и люблю его. Этого еще не хватало! Вспоминаю, что он меня спросил также, хорошо ли я училась по алгебре. Какое отношение ко всему этому имеет алгебра? И ничего ему не могла больше сказать. Может быть, он обо всем забудет...

Но самое главное — кончилась война!

Владелица тополанского замка не живет в нем. Она поселилась в своей усадьбе. Там с нею находятся ключник, садовник и кухарка, которую, неизвестно почему, в городе называют «мамзель».

Мы с Богучаровым приехали на усадьбу к вечеру следующего дня. Старая пани была величина и несокучная. Богучаров распрямил ее о размерах имени, о разных хозяйственных делах.

— А этот холм за лесом тоже принадлежит вам?

— Да, — отвечала старая пани, — этот холм за лесом мой.*

— У вас имеются совладельцы?

— Нет.

Старая пани предложила нам вина. Его принесла «мамзель» на серебряном подносе в бокале из богемского хрустала.

Богучаров долго рассматривал бокал, затем выпил вино и спросил:

— Что вы намерены делать?

— Не знаю, — отвечала старая пани. — Наверное, останусь здесь. Я никогда никого не обождала, надеюсь, и меня не обидят. Мне семьдесят один год.

— Сколько комнат в усадьбе?

— Двадцать семь, с нашего позволения, — встала ключник.

— А в замке?

— Десятого, — отвечала «мамзель».

— Вас не тяготит, что вы тут живете один? — осведомился Богучаров.

— Не тяготит, — ответила с достоинством старая пани и стукнула палькой с металлическим наконечником о натертый паркетный пол. Вопрос показался ей неуместным.

— Вечер был приятный, с мерцающими, чуть затуманенными звездами. Богучаров шел вперед и освещал путь электрическим фонариком. Я шла за этим крохотным желтым огоньком.

Богучаров подал мне руку: дорога была скользкая и влажная от вечерней росы. Шел жасмин, в воздухе стояла его тжалый и сладкий аромат.

Я чувствовала, что мне нечего бояться: эта спокойная, немного холодная рука, которая вела меня, вселяла уверенность.

— Товарищ Богучаров, — сказала я, — не думайте больше о том, что я вам вчера наговорила.

— Я об этом не думаю, — ответил он почти вполголоса, и я обиделась.

— Вы не хотите идти вперед? — спросил он.

— Нет, пойду за вами.

И как раз в эту минуту он крикнул в темноту: «Стой, кто идет?»

Грикнул выстрел, потом другой. Послышался удаляющийся тяжелый шаг, и сразу стало тихо.

Только шум ветра в чае деревьев и глубокий, мучительный стон человека на мокрой земле нарушали покой.

Фонарик продолжал светить, он лежал неразбитый с ним ничего не случилось. А человек... С шеп его стекла струйка крови, узенькая, алая полоска.

— Что же делать? — раскладалась я. — Я ничего не умею. Я побегу в Тополаны, хорошо, товарищ Богучаров? Побегу в Тополаны и приведу сюда любовь! И она опять станет хорошо... Вам очень больно?

— Нет, — сказал он. — И бегите, бегите, делушка...

Когда мы вернулись, он уже не дышал. И тогда я поцеловала его. Это был мой первый поцелуй.

Богучарова убили пленный, бежавший из монастыря урсуллюнок, один из тех, кому вернули сапожки.

Вчера его хоронили, — ружейный залп у могилы и комыа глины».

Перевела с чешского

Евг. БЕРК.

Николай ПЕРЕВАЛОВ

ПЕРВАЯ КЛЯТВА

Замочал загорелый торнист, замер строй пионерских колонн. Меж высоких берез обескровленных шаеком поникших знамен. Проплывал венки тяжело, рдеют ярко букеты цветов... Это светлое детство пришло поклониться могиле отцов, опавших в озне баррикад революции верных солдат тех, кто азбуку первых боев в тюрьмах выучал

с ленинских слов;

тех, кто отдал суровой борьбе море жаркое крови и смл, ничто не оставив себе, кроме браслет мотка... Перед самым восходом зари пани в битве последней они. Говори же сейчас, говори, ветеран седоусый, о них. Говори для потомков своих, чтоб сердца загорались в груди, чтоб завидует каждый из них тем, кто шел,

кто идет вперед.

Может быть, через час или два позабудет он тот маленький вдохновенные эти слова и самым приписанный венки. Позабудет пока. Не бой, и ведь беспечна всегда детвора. Но придут испытанья года, о которых не думал вчера. Будет время — в железном строю на одной из труднейших дорог эту первую клятву свою вспомнит нынешний малышнюк. г. Новосибирск.

Б. Носенский.

Дыхание весны.

Н. Обрыньба. Первый подвиг.

В. Кузнецов. Перед боем.

Грузинское вино

В день, когда у чабана-грузина
Родил наследника жена,
Закопал он в землю три кувшина
Молодого тертого вина.

И сказал чабан, усы погладив:
«Поднимая на ноги, сынок,
А вино пусть у тебя на свадьбе
Всех твоих гостей повалит с ног!»

Мальчик рос, он знал беду и радость,
В жизни было все ему дано,
И крепчало, накопляло сладость
В подземелье скрытое вино...

Вот уж сын шаша себе невесту...
Вдурт к границам подползла война...
Он ушел. И был убит под Врестом,
Не испив заветного вина.

Много лет в сырой земле усадьбы
Бродит до забытого вина...
Что же делать?... Для веселой свадьбы
Было предназначено оно...

Тот, кто из земли его достанет,
Поднесу стаканы к своим губам,
Пусть узнает радость и страданье —
Все, что в жизни выпадало нам!

Летний дождь

Как блестят зеркала на асфальте!
Дождь веселый и озорной!
Он хлещет прохлады за платье
И рисует их вниз головами!

Но, видать, никому неохота
Быть взвешенным и смешным:
Люди мнутесь к чутулым воротам,
К парикмахерским и к пивным,

Молчаливо топчась в подъезде,
В небо томное смотрят, грустя,
И сидят под дождевым арестом
За холодной решеткой дождя...

Лишь мальчишки нисколько не тужат:
В пене, в брызгах, в тумане густом
Бьют домок шарикующим по лужам
И на взрослых глядят с торжеством!

Дождь похож на садовую лейку,
На рыбачье ведро,
На тетрадку в косую линейку,
На трамвайные провода...

Звонко, радостно шлепают ноги,
И почти что в сплошной ноге
Махают, как античные боги,
С гордым видом идут по воде.

Родная земля

Долухов зепагие ладони,
Полеху легки ветерок...
И мог плавать в золотом затоне,
Спать в ромашках, греться у костров...

Я с землей своей сдружился рано,
Полюбил я крики журавлей, а
Подорожником лечил я рану,
Знал секреты ягод и корней...

Та земля, внимательная к сыну,
Емши угрожал ей враги,
Оборачивалась злой трисной,
Грозным всем ветра и пугри.

Говорят, на фронте кто-то видел,
Как над ладнями родной земли
Черный иностраный истребитель
В небе заклевался журавли...

Группа молодых строителей в Большом Кремлевском дворце.

Фото Г. Борисова.

МОЛОДЕЖЬ, НА ЛЕСА НОВОСТРОЕК!

В Большом Кремлевском дворце недавно состоялось Всесоюзное совещание молодых строителей.

Молодые строители подолговому обсудили стоящие перед ними задачи: со всем пылом горячих комсомольских сердец выразили готовность с новыми силами встать за претворение в жизнь исторических решений XX съезда партии.

Большие задачи возложила партия на строителей в шестой пятилетке. Им предстоит обуздать великие сибирские реки — Ангару и Енисей, соорудить на этих реках самые мощные в мире гидроэлектростанции. Им предстоит создать промышленные площадки в Сибири и Казахстане, построить атомные станции, возвести корпуса новых фабрик и заводов, жилых домов и школ, институтов и клубов.

И когда с трибуны совещания молодые строители рассказывали о своих будничных делах, о том, что ими сделано и что предстоит сделать в ближайшие годы — в их словах чувствовалась заочная гордость за свою профессию, гордость людей, которым выпало счастье трудиться на лесах величавого советского народа — величественного здания коммунизма.

Более двух миллионов молодых рабочих занято сейчас на разных стройках страны. Только на сооружении заводов железобетонных конструкций участвуют семнадцать тысяч комсомольцев. Тринадцать тысяч юношей и девушек самоотверженно трудятся на стройках Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций. В районах освоения целинных и залежных земель выполняют строительные работы сто тысяч молодых патриотов, которые приехали в эти далекие края по комсомольским путевкам.

«На двадцатом съезде партии с этой трибуны

была выражена благодарность за отзывчивость молодежи, за ее самоотверженный труд — сказал на Всесоюзном совещании молодых строителей Нинта Сергеевич Хрущев. — Советская молодежь достойна такой похвалы и высокой оценки. Мы надеемся, что комсомол, наша слававшая советская молодежь еще не раз с таким же горячим подъемом откликнется на призыв Коммунистической партии, на призыв Советского правительства, обращенный к молодежи и ее славному авангарду — комсомолу».

В едином патристическом порыве молодые строители подтвердили свою готовность и впредь отвечать делом на любой призыв родной Коммунистической партии, оправдать ее доверие, ее отеческую заботу о светлом, счастлином будущем советской молодежи. Участники совещания обратились к комсомольцам и комсомолкам, ко всем юношам и девушкам, работающим на стройках, предпринятых промышленности строительных материалов, строительного и дорожно-машиностроения, к молодым архитекторам, инженерам и техникам строительства с призывом добиться новых трудовых успехов в шестой пятилетке.

В обращении говорится:

«Комсомольцы и молодежь, собравшись на Всесоюзное совещание, от имени миллионной армии молодых строителей заявляют, что в ответ на заботу партии и правительства они не поколеблют сил и энергии для успешного выполнения задач капитального строительства, дальнейшего подъема строительной индустрии. Труд молодежи на стройках имеет величайшее значение не только для нашего, но и для будущих поколений».

«Теперь же, друзья, еще активнее, с комсомольским задором и энергией возьмемся за дело».

РЕКИ ПОТЕКУТ ВСГЯТЬ

Инженер М. ДАВЫДОВ

Схема поворота северных рек на юг.

На бескрайних просторах нашей Родины ярко сияют огни новостроек. С каждым годом их становится все больше и больше. На Волге, Днепре, Ангаре, Дону и на многих других реках воздвигаются величественные гидроэнергетические сооружения.

Директивами XX съезда КПСС по пятому пятилетнему плану намечается довести выработку электроэнергии в 1960 году до 320 миллиардов киловатт-часов.

Войдет в строй крупнейшая в мире Братская ГЭС на реке Ангаре и начнется строительство Красноярской ГЭС на Енисее. Каждая из этих двух гидроэлектростанций будет давать энергии в два раза больше, чем Куйбышевская и Сталинградская, вместе взятые. На Ангаре скоро будет пущена первая очередь Иркутской ГЭС.

В бассейне Волги уже работают Иваньковская, Угличская и Щербаквская ГЭС; воздвигаются Горьковская, Куйбышевская и Сталинградская. С введением в строй Чебоксарской и Саратовской (Валковской) гидроэлектростанций энергетические ресурсы великой реки будут использованы более чем на четыре пятых.

Вскоре начнется сооружение мощных электростанций на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Армении, Грузии и других республиках. А всего за шесть лет пятилетку намечено построить 65 крупных гидроэлектростанций.

Будет развита единая высоковольтная сеть Центральной Сибири протяженностью примерно от Новосибирска до Иркутска, объединены Грузинская, Азербайджанская и Армянская энергосистемы. Дух захватывает, когда представляешь себе все, что надо сделать за пять лет. Но в такие минуты хочется взглянуть еще дальше — пофантазировать, по мечтать. Посмотрим же, что будет представлять собой наша гидроэнергетика через несколько десятилетий.

Перед нами гипсометрическая карта Советского Союза. По ней видно, что сток рек на территории нашей страны происходит неравномерно: на севере он значи-

тельно больше, чем в других районах. Сток сибирских рек — Енисей, Оби и Лены — равен 1430 миллиардам кубических метров воды в год, что составляет более одной трети годового стока всех рек СССР.

Сейчас самыми нуждающимися в воде районами являются земли, расположенные в бассейнах рек Эмбы, Урала, Иртыза, Тобола и других. Отсутствие влаги в этих местах затрудняет разработку богатейших запасов недр: нефти, угля, черных и цветных металлов, химического сырья. Особенно велики потребности в пресной воде в пустынях, где имеются плодородные почвы и очень много солнечного тепла.

Природа разлучила воду севера с южным теплом и плодородными почвами. И невольно возникает вопрос: можно ли соединить их? Оказывается, можно. Человек в силах повернуть потоки вод Енисея и Оби на юг — в Туранскую и Прикаспийскую низменности, в Центральной Казахстане. А это в какой-то степени позволит переобить и часть солнечного тепла на север, в Сибирь. Происходит это следующим образом: влага, поступающая на юг в воздушные течения, переместится в Сибирь, где выделит такое количество тепла, которое было затрачено на ее испарение.

Много тысяч лет назад, в ледниковый период, Обь с Иртышом несли свои воды на юг, через Тургайский прогиб в Сарматское море. Когда же ледники отступили и произошло геологическое смещение, образовалось Тургайское плоскогорье, которое наглухо закрыло путь обьевой воде. Тогда-то Обь и пробила себе новую дорогу — на север.

Люди давно думали о том, чтобы снова направить потоки сибирских рек на юг. Еще 80 лет назад русский ученый Я. Демченко выступил с проектом переброски сибирских вод в Арало-Каспийскую впадину. Ученый думал о создании искусственного моря, предлагая затопить огромные пространства земель. Ошибаясь в методах и путях использования северных рек, Я. Демченко был прав в одном: сибирская вода может быть переброшена в засушливые районы Арало-Каспия.

Следующий проект был выдвинут в 1922 году инженером Д. Букчиничем, который предложил направить воды Иртыша в Тургайские степи. Через два года инженер Н. Ботвинник выступил с планом, предусматривавшим переброску иртышских вод в пустыни Средней Азии и степи Казахстана.

Все эти проекты с точки зрения современных требований выглядят наивными. Но следует отметить другое: в поисках воды для орошения засушливых районов страны ученые и инженеры неизменно обращали свой взор на север, к далеким рекам Сибири. Как же заставить эти реки отдать часть влаги южным засушливым местам? Изложим вкратце один из вариантов схемы поворота течения сибирских рек в пустыни Средней Азии и Казахстана.

...На Енисее, ниже Подкаменной Тургуски, строится гидроузла, который образует крупное водохранилище. Воды его затопит пойма Енисея и достигнут притока Большой Кас, по которому потекут в реку Тель, а оттуда — в Обь. На Кети можно будет соорудена гидроэлектростанция, которая способна дать Кузбассу около

двадцати миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Он Оби намечается соорудить крупную Нижне-Обской ГЭС.

Из Нижне-Обского водохранилища воды Енисея и Оби пройдут через Тургайский водораздел и поступят в озеро Чоккар-Тенгиз, озеро Чоккар-Тенгиз станет крупнейшим водоемом, куда сибирская вода будет выливаться равномерно в течение всего года. Оттуда влага потечет по двум крупным каналам на запад и юг для орошения и обводнения десятков миллионов гектаров плодороднейших земель.

Одни из каналов, «Южный», будет по-давать воду на земли, расположенные на юго-востоке — к Сыр-Дарье и Аму-Дарье — до реки Атрая, а другой канал, «Западный», поведет воду в Усть-Ишту, в бассейн рек Эмба и Урал, подводя к городу Уральску. Если возникнет необходимость, вода из Сибири может быть подана для орошения Заволжья, в Саратовское водохранилище. Одна из веток «Западного» канала пройдет к Магншапуку и залу Кура-Воза-Гота. Ветка от «Южного» охватит Приаральские земли.

Кроме Туранской и Прикаспийской низменности, в орошении нуждаются также районы на Уганде, Крима, бассейнов Днепра, Дона, Кубани.

Для этих мест вода можно взять из северных рек — Печоры, Северной Двины, Мезени и Онеги, общий сток которых составляет 286 миллиардов кубических метров, то есть намного больше стока Волги.

В настоящее время доказано, что вполне возможно северную волю направить в Дон и Днепр. Путь этого потока может быть примерно следующим: реки Печоры, переключены в Усть-Пугорским плесом, юлом, поступают по каналу в вычку Вычугу, затем соединяются с Северной Двиной и по Сухоне вливаются в озера Кубенское и Белое.

Из Белого озера вода пойдет в Малого, затем через канал в Тверь и Волгу в Ивановское водохранилище. Оттуда каналом в Истру и по ней в Москву-реку, где будет сооружена плотина без повышения уровня воды.

Дальнейшее развитие движения воды будет проходить по рекам Наре, Оке, Проне, Ранове.

Естественно, придется построить несколько каналов. На южном склоне водораздела, между Окой и Доном, северные воды выльются в реку Воронеж, где намечается строительство крупного гидроузла с водохранилищем в пойме Воронежа и Дона.

Часть северных вод, отработав на Донской ГЭС, потечет вниз, а часть направится по долине реки Ливинки и соединится с юлом каналом в реки Оскоя, Северной Донею, а по притоку юго Береке в Орел. Затем вода выльется в Днепр и будет работать на трех ГЭС: Днепрогидростанционной, Днепротрассе имени В. И. Ленина и Каховской.

Северная вода придет в центральные области страны. Соединительные каналы и обводненные русла полупустынных маловодных рек будут превращены в глубоководную судорожную магистраль, соединяющую Черное, Баренцево, Белое и Балтийское моря. Общая протяженность судорожных дорог, которые возникнут в связи с поворотом сибирских рек, достигнет восьми тысяч километров. Это в полтора раза больше длины всех водных путей США. Кроме того, будет обеспечено орошение и обводнение плодороднейших земель юга нашей страны.

Все это не бесподобная мечта, а строго обоснованная реальность, построенная на прочной научной основе.

Принятый XX съездом КПСС план развития народного хозяйства на 1956—1960 годы раскрывает перед нами величественные горизонты ленинского плана электрификации страны, ярко демонстрирует могущество, силу советского народа, идущего под руководством Коммунистической партии вперед — к коммунизму.

ЗДЕСЬ ПЕЧАТАЛИСЬ ПЕРВЫЕ НОМЕРА «ИСКРЫ»

Перед одним из домов в предместье Лейпцига — Простейбаде — стоит гранитный обелиск с барельефом Ленна. Надпись, сделанная на немецком языке, гласит:

«В этом доме в 1900 году начата первая номерная созданная В. И. Лениным большевистской газеты «Искра». Руководила Лениным, она подготовила организационное и идеологическое создание большевистской партии.»

...В условиях суровых политических репрессивных организацию общерусскую политическую газету в России было невозможно. Осенью 1900 года В. И. Ленин едет за границу, чтобы договориться с товарищами из группы «Освобождение труда» о создании газеты.

В. И. Ленин оставил внимание на городе Лейпциге. В то время в Лейпциге печатались русские книги, и поэтому здесь можно было сравнительно легко достать русский шрифт. Но при выборе типографии требовалось проявить особую осторожность. Царская охранка работала в тесном контакте с кайзеровской тайной полицией. Какую же типографию выбрал В. И. Ленин? До последнего времени это оставалось неизвестным.

Полтора года назад «Лейпцигер фольксцейтунг» обратился к своим читателям с просьбой сообщить редакции об имеющихся у них сведениях и материалах по истории немецкого рабочего движения. Среди многочисленной корреспонденции, поступившей в редакцию, оказалось письмо старого активиста Макса Пуршвица. В 1900—1901 годах он был членом комиссии по изданию социал-демократической рабочей спортивной газеты «Арбайтершпейтунг», которая печталась в типографии «Раух и Поле в Простейбаде».

«В одно воскресное утро в начале января 1901 года», пишет Макс Пуршвиц, «я пришел в типографию Германа Рауха. Мне бросилось в глаза, что в типографских

кассах лежит новый шрифт. К моему удивлению, это были русские литеры. Я заметил, что Рауху неприятно мое открытие. Сначала он всячески уклонялся от моих вопросов, но потом сообщил по секрету, что в типографии печатается периодический выходящая русская революционная газета «Искра», которую набирает русский наборщик.»

Так был установлен адрес типографии: Простейбаде, Руссенштрассе, дом 48.

Дом Германа Рауха, фрау Эмма Томас, дополнил сведения, сообщенные Максом Пуршвицем. Она помнит, что наборщик — он называл себя Вернером, а настоящая его фамилия была Блюменфельд — на ручной тележке привозил в типографию ее отца готовый набор русского текста. Пауль Томас, работавший в то время учеником в типографии своего будущего тестя, рассказывал, как выглядело помещение, где печталась «Искра». В большой комнате находилась тогда маленькая скоропечатная машина и несколько шрифтовых касс. Из-за сложных условий печтательной работы набор и печтание номера длились в среднем два месяца.

На Руссенштрассе с сентября 1900 по май 1901 года были начпаны четыре первых номера «Искры».

Опытный революционер-композитор, В. И. Ленин выбрал место для печтания

Гранитный обелиск, установленный перед домом, в котором печталась «Искра».

«Искра» на тихой улочке, удаленной от многолюдного центра, Маленкий, укрытый за деревьями и кустарником домик, где помещался типография, ничем не привлекал внимание прохожих. Владельцами типографии были надежные люди — социал-демократические активисты Раух и Поле.

В день 85-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина трудящиеся Германской Демократической Республики установили в здании типографии гранитный обелиск. Сейчас к этому домику, где в последнее время находилась столлярная мастерская, пристроены дополнительные помещения. Здесь будет открыт музей. В нем разместятся маленькая скоропечатная машина, шрифтовые кассы, фотокопии первых экземпляров «Искры» и другие экспонаты, отражающие интересную страницу лейпцигского периода истории «Искры».

А. АБРАМОВ

Фото автора.

В этом флигеле скоро будет открыт музей.

В Дружной семье

Фото М. Агашина.

го инструмента, за качеством заготовки, правильной ее установкой, за точностью обработки детали.

— Ну и станочек! — вырывается у юноши, задравшего голову так высоко, что слетает кепка.

— На нашем заводе еще не такое увидишь, — говорит мастер, поднимая и подавая кепку новичку.

И они идут дальше...

Много интересного узнали от мастера новички. С первого дня он сумел заинтересовать их производством, выпускаемыми здесь машинками с прославленной заводской маркой: «Минский станкостроительный завод».

Первый день на заводе!.. Мастер хорошо понимает, что это значит для новичка. Ведь и сам он пришел когда-то сюда в первый раз.

— Завод должен стать для вас вторым домом, — говорит мастер. — Ведь тут пройдет значительная часть вашей жизни. Вам предстоит познать ни с чем не сравнимую радость самостоятельного труда.

Работа внимательно прислушивается к словам мастера. Они рады, что будут работать у него на участке, на передовом участке завода.

Сколько встреч произошло в жизни Константина Георгиевича, встреч с молодой порослью рабочего класса! И до сих пор каждая такая встреча радует, волнует его. Ему понятны переживания новичков. Они хотят скорее заняться делом: строгать, сверлить, шлифовать, ну мастовать себя полезными людьми на заво-

Молодому рабочему Михаилу Ботову попался трудный чертёж. Как всегда в таких случаях, он решил посоветоваться с мастером. Бывший ученик Константина Георгиевича, ныне квалифицированный рабочий Василий Размыслович (справа) с улыбкой наблюдает за столь знакомой ему сценой: столько раз он сам, будучи новичком, надеялся мастеру таковыми же вопросами...

Светловолосая девушка и смуглый вихрастый парнишка сидят в конторе и терпеливо отвечают на вопросы мастера. Константин Георгиевич Дубовик беседует с ними просто, и поэтому новички не испытывают ни смущения, ни робости. Мастер то и дело с любопытством поглядывает на них, поблескивая стеклами очков. Его интересует буквально все: сколько у каждого

из них братьев и сестер, где работают родители, каковы домашние условия...

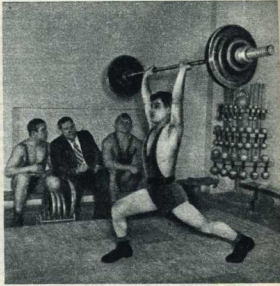
Когда Константин Георгиевич записывает ответы своих будущих питомцев, лицо его делается озабоченным. Но вот он энергичным движением снимает очки, широко улыбается и произносит с таким откровенным дружелюбием, как будто обращается к своим давним друзьям:

— Что ж, давайте пройдемся по заводу.

Высокий, плечистый, с коротко остриженными волосами, он легко шагает по асфальтированному коридору цеха. Длинноногий, вихрастый парнишка едва поспевает за ним.

Все трое останавливаются перед огромным станком-автоматом. Этот гигант сам неугомонно следит за исправностью режущей-

Константина Георгиевича можно видеть в кругу своих воспитанников не только в цехе. Он частый гость у них дома, на молодежных вечерах в заводском клубе, в спортивном зале...

да. Но начинать приходится совсем с другого, с самой, казалось бы, несложной работы.

Как помрачнели лица ребят, когда Константин Георгиевич на другой день поручил им шпаклевать детали. Казалось, мастер никакого внимания не обращал на обиду новичков. Он спокойно объяснил им, как нужно шпаклевать. Но после этого, отойдя в сторону, незаметно для них взяла стоявшей невдалеке девушка в синей вязаной кофточке. Та пожимаясь улыбнулась и подошла к новичкам.

— Будем знакомы,— протянула она руку.— Меня зовут Марусей. Я вижу, вы взгрустнули... Не огорчайтесь... И мне в первый день такая работа досталась. Даже всплакнула от обиды. Потом я поняла, что обида— плохая помощница. Как ни старалась, а шпаклевка все неправильно ложилась

токарю закрепить на станке деталь, а потом что-то советуют сверловщице. У шлифовального станка Константин Георгиевич хмурится. Это замечают новички. Должно быть, шлифовщик озорничает мастера. Донносится негромкий, но строгий голос Константина Георгиевича:

— Если будешь так небрежно работать, попадешь на совет. Шлифовщик торопливо подбирает чуб под маленькую, надутую наберенку пепочки и, шмыгая носом, виновато говорит:

— Больше этого не будет, Константин Георгиевич. Честное слово...

— А каким «советом» пригрозил ему мастер? — поинтересовались новички.

Маруся улыбается:

— Совет— это производственное совещание нашего участка. На нем мы и план обсуждаем и подиры професочиваем. Мы его еще «семейным советом» называем...

«Совет» создан по инициативе Константина Георгиевича и играет большую роль в воспитании молодых рабочих. Прострафившемуся паренюк попасть на это собрание, подвергнуться «шлифовке» мастера и товарищей не особенно приятно, но очень полезно...

Константин Георгиевич воспитывает молодежь не только в стенах завода. Он частый гость в спортивном зале. Многие из тех, кого он обучил ремеслу, стали мастерами своего дела. Теперь они кропотливо передают свой опыт новичкам.

У Константина Георгиевича Дубовика не только умелые руки мастера, но и большое, чуткое сердце воспитателя. За это его любят и уважают на заводе, особенно молодежь.

М. ЧЕРНИН

Не так давно Геннадий Савчук переступил порог цеха. Но с первого дня он попал в хорошие умелые, заботливые руки мастера. Константин Георгиевич Дубовик помог ему овладеть профессиональ слесарь-инструментальщика, а потом и технического контролера. Теперь Савчук и сам может кое-что поучить других. И а с и и не: Геннадий Савчук проводит урок труда с учащимися подшефной школы.

Давно ли Леонида Комарова называли новичком? А сегодня он токарь. Признанная специальность!

На участке мастера Константина Георгиевича Дубовича образцовый порядок и чистота.

на детали. В конце концов получился брак. Я совсем было растерялся. А в это время мастер наш, Константин Георгиевич, подходит ко мне и говорит: «Не горюй, Маруся! Со временем научишься работать. Ты лучше посмотри, как я шпаклюю». И так понятно мне все объяснил, что следом за ним я ту же операцию в точности повторил...

До конца смены Маруся внимательно следила за работой новичков, помогала им советом, подбадривала.

Так началась их трудовая жизнь. Отныне они вступили в дружную рабочую семью завода.

...Раннее утро. Цех наполнен веселым солнцем. Пока новички старательно шпаклюют детали, Константин Георгиевич подходит то к одному, то к другому молодому рабочему. Вот он помогает

Алексис ПАРНИС

ПЕСНИ СЕРДЦА

Советская общественность знает греческого поэта Алексиса Парниса. Его стихи печатались на страницах наших журналов, выходили отдельными книжками. Произведения Парниса удостоены международных премий на фестивалах молодежи в Вухаресте и Варшаве.

В этом году Алексис Парнис открывает Литературный институт имени А. М. Горького. Публикуя его новые стихи, мы от всей души желаем поэту большого счастья в жизни и творчестве.

Дед Мороз

Удалься праздник. В зале ликовали.
Всем было весело — большина и малым.
Вкруг яркой елки дети танцевали,
А дед Мороз подарки раздавал им.

Вы слышали, как смех его клопочет,
Как он хохочет, старец беспечальный,
Который за год только раз и хочет
Заняться в этот мир многогранный!!!

И вот все кончилось. Погасла елка,
И, деньги взяв, ушел он черным ходом,
Нашелый дед. И брел он долго-долго
По тротуару, полному народом.

Был холод. Свет спокойный и невинный
Горел в глазах у старца. Были ярки
Огни бульваров. Став перед витриной,
Он, как дитя, воззрел на подарки.

Вот трубка. Но не жди, чтоб подарил!
Платон старухе не подарят томо.
Ах, где наш сын! Его мы так любим!
Куда исчез! Но кто же знает, кто жет!

Они сироты, старенькие дети.
Кругом кипит водоворот событий.
Ждут старик. А где же сын! Ответьте!
В ночь новогоднюю он где, скажите!

Вернется! В дар вам принесет свободу.
Чтоб засияли с яркостью победной
Прекраснейшие звезды небосвода
Тебе, отец мой, дед Мороз мой бедный!

Перевел с греческого
Леонид МАРТЫНОВ.

Художник

Герон порем и окопной паутины
С его картин глядят на мир давно...
Но говорить о них запрещено.
А значит, и запрещены его картины.

Иные богатеют, продавая
Убожество таланта своего...
А он,
не получая ничего,
Живет, больной,
в разрушенном подвале,
Картины в тряпках
(чтоб теплей им было)

Обертывает его рука.
Они увидят славы берега
После того,
как он сойдет в могилу.
Умрет он нищим,
потому что он

При жизни был богатством наделен.

Перевел с греческого
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Хлеба сутили урожай богатый
И каждый колоском нам улыбался.
Когда пришла нежданная беда.
Я помню:

Зрелые поля огнем объаты,
И солнце за горою виновато
Скрывалось неведомо куда.
Всю ночь крестьяне, словно в битве,
Свело

Смирляли то бушующее море,
Что тысячами вздох шумело
И волновалось ветром
На просторе.

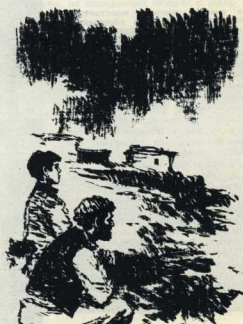
А на заре, обессилев,
Над черною землей, как после бури,
Взломаченным голою понурив,
Стоили потрескавшие оны.
И капли слез и пота их гасили
Дымившиеся кусты стерни.
И дедушка мой, рано поседевший,
Что сделались вдруг весь чернее noch
От дыма черного и черного огня,
Сидел, я помню, у порога молча
И темными печальными очами
Смотрел, не отрываясь, на меня.
А дым стоял огромной тучей в небе,
Как будто безобразный черный ворон,
Высел он над полями весь тот день.
Лишь к вечеру повеял ветер с моря,
И дедушка мой — это помню я —
Рукою показав нам, провозная
То обляно в дальние края.
— Смотри,— сказал он,— вот уж
уплывает...

Оно бедою нашей рождено.
И там, вдаль, в дудучи краях — кто знает! —
Дождям, быть может, прозвонит оно.

...Немало лет промчалась чередою,
Но дедушка мой —
В памяти всегда.
Опять я в ямку поле пред собою,
Сгоревшее, безжизненное. Это
Любовь наша без радости и света...
Да, на нее обрушилась беда.
И песья моя, нависшая над нами,
Как обляко то — с отблеском свинца,
— Быть может, тоже вот взматнет крылами
И улетит, чтоб принести дымяще
Далеким, незваным сердцам.

Но нет, я не о том...
Скажи, родная,
Скажи, что будет с нашею землею
И с этим полем, что огонь дотла
Спалил вчера:
Мы что ж, его оставим,
Усталые, пройдем мы стороною
Или опять возьмемся за дело,
Возьмем мотыгу, чтоб разделать поле
Для радости, для света и тепла.

Перевел с греческого
В. КУЛЕМИН.

Беша*

Идут жандармы, точно теи
безмолвные, во мрак,
их провожат из сельня
умный лай собак.

Есть сапмы партизан упорных
идут издалека,
старух, детей, в пещерах горных
укрытых от штыка.

Их проводник дорогу знает,
трона то вверх, то вниз,
и лошадь чуткая ступает,—
ее ведет Терзис.

Косится конь тревожным взглядом,
глядит куда-то вбок—
на жеребеночка, что рядом
бежит у самых ног,

на мать Терзиса молодого,
на Асимо, глядит.
Старуха, губы сжале ступо,
пешком за ним спешит.

Сын едет бледный, молчаливый,
но не себе ему,
куда-то вдаль, поверх обрыва,
глядит в ночную тьму.

Вот он, обрыв,—и сердце сына,
как тот обрыв само.
Да, недоступно, как пучина,
страдалье Асимо.

«Куда ведешь их! Резать селям,
детичек убивать!»
«Молчи. Ведь это— вражье семя,
иль ты забыла, мать!»

«Мужчина борется с мужчиной,—
в горях закон один.
Остается, бестыже ныне
грозит тебе, мой сын.

В деревне партизан жолги
до нынешнего дня,
на злате врага сии шадилки,
не тронули меня.

Ведь беша — наш закон исконный,
не чужай себя свою...»
«Плюю и на твоих законных
и на тебя плюю!»

Любовь ее огнем светлая,
и жизнь была легка,
но погасить ее завтало
и одного плевка.

* Беша — честь мужчины.

Мать щеку вытерла рукою,
но не ушла назад,
глядит, как камин под ногою
у лошади скользнул...

Там, позади,—жандармов дула,
а впереди — Терзис...
И лошадь от толчка скользнула
и полетела вниз...

Раздалось малобое ржание
и сына страшный крик...
Но бездны в мертвом молчанье
исчезли в тот же миг.

«Он соскользнул... Вон след обала...
Свалился под откос...» —
Жандармам Асимо сказала,
не сдерживая слез.

Ушли. С окаменелым взглядом
сидит она в глуши.
И только жеребенком радом,
а больше — ни души.

И слезы на руки старухе
текут со щек румель,
и жеребенком локот руки
шершавым языком.

Перевела с греческого
М. ПАВЛОВА

Парнас

Карабкались, срывались мы,
Скрывались за туманом,
Упорно подымались мы
На горы к партизанам —
К друзьям своим, к товарищам,
Парнас оброчиючим.

— Ты посмотри, как стелется
Мгла по парнасским склонам!
Бела, она извешивает
И канцетс зитонем
С плеском позем савайю! —
Так толковал мне спутник мой,

Возникли перед нами адруг
Живые мертвые герои,
И взяли мы из мертвых рук
Оружье боевое,
Идя к своим товарищам,
Парнас оброчиючим.

Одежда ветхую свою
О камин я порвал. И в бой
Пошел я. Страх исчез в бою,
Как будто дым порозовой.
И спутник мой исчез в дыму.
Что с ним! Судите по письму:

Сборник открывається стихотворе-
нием «Парнас», написаним в
1939 году, югда Кубанцев шёл во-
семидесятый год. Есть в этом сти-
хотворении недостатки, но глав-
ное — преданная душа поэта-патри-
ста — настолько захватывает читате-
ля, что поэтические неточности от-
ступают на второй план. И особенно
с новой силой звучат его слова:

Народ
одного душой
И партия народная
одна
Она — не отделью,
Она — народ,
Она — это мы
в своей лучшей
части.

С образом партии неразрывно
связаны у Кубанца образ великого
вождя Владимира Ильича Лени-
на. В первом сборнике В. Кубанева
вошла лишь небольшая часть сти-
хов, написанных летом. Но и то
что здесь есть, свидетельствует о
нере и равносторонности инте-
ресов автора, о его изумительной
энергии и любознательности. Мы нахо-
дим здесь и живописную очер-
ку на районном совещании учителей.

И стихи, посвященные Пушкину, и
строфы, говорящие о паровой встре-
че с поэзией Маяковского, которая
творческая глубоким откликом на
идеологию биографии В. Кубанева,
и страстные строки, написан-
ные в первые годы Великой Оте-
чественной войны. Особенно хочется
отметить стихотворения «Моло-
дые дружки» и «Матрицы»,
принимавшие духом борьбы за мир,
чувством единения народов против
сила войны. В первом стихотворении
расквашено о событиях, которые
произошли 27 мая 1940 года в Па-
риже. Тогда там была выставлена
печень ситон Иосифовыми, покрови-
тельница Парнаса, который языки
она сплела в свое время от пучины
Атланта. Страстно звучат слова по-
эта:

Устают! Не трите kalian
Об искарманные пантели!
Ваше ведедущий, всеняючий
И всемогущий бог
Все равно не услышит
Наших унылых молений.
Он оселит от помехов
и от заплов оглох.

Поэт призывает французов к
сплочению, и борьбе за счастье и
независимость своей страны.
Гражданские мотивы в творче-

«Мой друг, то был не наш

Парнас...»

Ошбились обуюдио мы.
К немому я мчу сейчас,
Спокойному, и чудному,
И немому, и дальному
Парнасу идеальному.

Но не нашел он этого
Парнаса в залах блеклых
Со старыми портретами,
Позоимни на оных,
Которые лишь в прошлое безмолвно
открываются.

Иль в модернистских сумерках,
Где о втором пришествии чувствительной
поэзии
Кларнеты изливываются.

Нет! Пусть он свет изъездит весь,
Но только здесь, где не погас
Огонь Борьбы, лишь только здесь
Найдет он истинный Парнас,
Который возмывается,
Где тысячи сражаются.

То, что за эту амыту,
Упорные, в крови, в поту,
Сражаются сегодня тут,—
Слова отстоя, все обречут,
И новая возникнет пелесь.
На собственном Парнасе здесь!

Перевела с греческого
Леонид МАРТЫНОВ.

НОВЫЕ КНИГИ

«Перед восходом»

В марте 1942 года в городе Острого-
рском, Воронежской области, умер
вернувшийся тяжело больным с
фронта молодой поэт Василий Кубан-
ев. Жизнь его погасла, едва он
перешел порог своего двадцати-
летия.

С той поры прошло четырнадцать
лет. И вот недавно Воронежское
издательство выпустило в
своей серии сборник поэта. Мы
перелистываем эту тоненькую
книжечку, и перед нами встает об-
раз удивительно и невероятно
человека, умеющего ярко любить
и страстно ненавидеть, радостного
и горюющего. Книжка малышка
довольно точно передает современ-
но, творчество поэта еще не окреп-
ло в полной мере, но и то, что
читаем мы в изгнание, говорит о
редком дарованном авторе.

ство молодого поэта, его патри-
стичность особенно подкупают в этой
книжке.

Вместе со стихами в сборнике
отблескивали образцы работы поэта
в газете, его фельетоны, выдер-
жки из дневников, заметки. Они об-
рабатываются особенно внима-
тельно суждений, зрелостью мыс-
ли, зоркостью наблюдений.
Книжка В. Кубанева «Перед вос-
ходом», несомненно, встретит доб-
рое отношение читателей. Воронеж-
ское издательство правильно по-
ступило, опубликовав обществен-
ность с произведениями молодого
поэта. Конечно, особенно отметить
работу составителя сборника и ав-
тора аступительных статей, редакто-
ра газеты «Молодой коммунар»
В. Стугалина, который, как видно,
хорошо знает В. Кубанева и на-
рядом перед нами его обязательный
облик.

Василий Кубанев прошел по зем-
ле как патриот. Он оставил стихи.
Пусть их немного, но о них доста-
точно известно. Думается, что изда-
тельство «Молодой гвардии» следо-
вало бы заинтересоваться стихами
В. Кубанева, напечатать их отдель-
ной книжкой. Это будет, может
быть, не очень толстая, но короткая
книжка.

К. ВАСИЛЬЕВ

А. ПУТКО

ГАММЫ

Рассказ

Последнее время Сергей мало задерживался на строительстве. Лида знала, что там неполадки. Она нередко слышала, как Сергей ругается по телефону с отделом снабжения, требовал какого-то семидесятого кирпичика и грозил пожаловаться «самому хозяину».

В общем, ее это мало интересовало. Иногда он приходил अवольнованный и, пока Лида накрывала на стол, рассказывал ей:

— Помылаши, начала обшпоривку пилоню, а плитка никуда не годится. Камешки ругаются, аж пыль столбом...

Лида рассеянно слушала и думала о том, как ему должно быть трудно среди этих пилонюв и плиток. Сергей, пристально поглядывая на нее, вдруг замолчал, в смущении тер переноску и виновато улыбался.

— Прости... Скучно тебе все это. — Нет, почему же? Я слушаю... — отвечала она равнодушно.

— Ну, а у тебя как дела? Рассказывай лучше ты.

Лида пожимала плечами: — Чего рассказывать? Все по старому. Сидим... спучим.

Она работала машинисткой в тресте.

— Сидим... спучим,— задумчиво повторял Сергей и выходил в коридор курить.

А по вечерам, когда он задер-

живался на строительстве, Лида скучала.

Вот и сегодня ей ничего не хотелось делать. За стеной уныло брелась роль. Это мальчишка из соседней квартиры разучивал гаммы. Лида не раз встретила его на лестнице, толстого, но по годам серьезного, с большой черной папкой для нот.

В дверь тактично постучали. Соседка Серафима пришла просят взаимн денег. Высокая, с усталым лицом, она остановилась у порога и задыхалась.

— Мне бы до понедельника рублев пятьдесят...

Пока Лида доставала сумочку, Серафима жаловалась на судьбу. Каждый раз, приходи за деньгами, она ругала мужа, который бросил ее с двумя детьми.

Обычно Лида не слушала ее монотонных причитаний. Она давала Серафиме деньги, и та уходила. Но сегодня, открывая сумочку, Лида спросила:

— Как это получилось, что вы разошлись?

Серафима умекнула: — Очень просто... Сперва поздно приходит стал, а потом как-то совсем не явился человек. Известно, как это бывает.

Она скрестила руки на груди, прищурилась и многозначительно заметала:

— Твой тоже чего-то не торпится домой...

— Он работает.

— Может, и работает,— кинула головой Серафима,— очень даже может быть...

— Ты к чему это говоришь? — растерянно спросила Лида и, взглядевшись в глаза Серафиме, вдруг засуетилась, торопливо сузила ей в руку деньги и забормотала: — Иди... ну, иди, пожалуйста...

Серафима покачала головой, ухмылялась.

— Выпнешь? От судьбы не уйдешь! — Она вышла в коридор и уже оттуда сказала: — А ты позвони ему на работу. Провери там он или нет...

— Вот еще! Выдумала! — возмущенно бросила Лида. Она раздвинула занавески на окне и, прислонившись лбом к стеклу, долго смотрела в неперспективную темень. До сих пор ей не приходила в голову мысль о том, что Сергей может обмануть ее. Лида и сейчас не хотела об этом думать. Но из темноты выплывало бледное, худосочное Серафиме. Должно быть, и она когда-то не сомневалась в верности своего мужа, а он ее обманул. Никуда не денешься; такие случаи бывають. И Лиде стало страшно.

Она подошла к письменному столу и положила руку на телефонную трубку. Трубка была холодная... Может быть, позвонит? Не для проверки, конечно. Глупости все это. Просто хочется услышать его голос. Именно сейчас. Нет. Нельзя звонить... Именно сейчас и нельзя.

Нельзя,— повторила она вслух и, быстро взяв с полки первую попавшуюся книгу, села на диван.

Так и сидела она неподвижно с раскрытой книгой на коленях, сосредоточенно переворачивала странички и даже шевелила губами, но смысла прочитанного не понимала.

Половина восьмого, а Сергей все нет. Что ж, никуда он не работает и до десяти. Неужели и сегодня он придет так поздно?

Лида отбросила книгу. За стеной мальчишка все играл гаммы. Однообразная, унылая мелодия становилась невыносимой. «Вариант с утра до вечера! — подумала Лида.— С ума можно сойти от этой прожатой музыки! Чтобы заглушить ее, она попыталась запеть, но песни не получалось.

Тогда Лида встала и позвала трубку и набрала номер. С минуту

она слышала только редкие, протяжные судки и бешее своего сердца.

— Алло! — ответил ей чей-то далекый голос... — Прораба Смирнова, — сказала Лида, и собственный голос показался ей чужим.

— Сейчас, подождите... Она стояла, навалившись на стол, сжимая трубку так, что побелели косточки на пальцах.

В трубку были слышны какие-то крики. «Неверно, кемешники ругаются»,— подумала она, и вдруг знакомый родной голос заглушил все.

— Смирнов слушает.

— Сережа... Сереженка! Это я, Лида.

Минутное молчание, потом Сергей встревоженно спросил: — Лида? Что с тобой? Что случилось?

— Ничего,— она с трудом подымала слова, — я просто хотела поговорить с тобой... Как у тебя дела? Кирпич привезли?

— Подожди... Ты скажи, дома ничего не случилось? Почему ты позвонила?

— Да ничего, ничего не случилось! Я хотела поговорить с тобой и все... Понял?

— Ничего не понимаю...

— Вот чудак!

Снова тишина, и вдруг громкий хохот Сергея:

— Лидочка! А я-то думал, что тебе это неинтересно. Вот бада!

— Интересно... все интересно и про кирпич и про пилоню...

— Кирпича, помылаши, до сих пор нет. Но завтра обязательно привезут... Начальник в управлене ездит... Впрочем, скоро буду дома. Рассказывай...

— Приезжай поскорее...

Лида повесила трубку и смахнула слезу. Ей вдруг стало мучительно стыдно. Лидо заглохло густым туманом, словно ее уличили в чем-то нехорошем. И все же она не жалела, что позвонила Сергею. Не потому, конечно, что звонок всталел его на работе. Просто из этого разговора она узнала нечто очень важное.

Лида открыла шкаф и достала хлебину. Пора было готовиться к ужину. Скоро придет Сергей, голый и усталый.

А за стеной мальчишка все разучивал гаммы, но теперь они показались Лида уже не такими унылыми и однообразными. Вторином, она даже что-то напевала.

Лев БАРЫШЕВ

В ЗАГСЕ

Хорошо, что в этом учреждении Входит в Яте с уаиш Морской. Распахнула я двери, и волеенье Захвастнула сердце, как рямбю. В комнатах — платья до их незомного... Вот сюда бы сад перенесит! Чтоб известам красной дорогой В будущее вадостно идти, Чтобы с явией, галля измуглено, Под руку входил жемчюк... И еще хотелось, чтоб вылобленным Здесь читали нежные стихи.

Сколько лет споконно как прожюхий Я шадла по улице Морской. А сегодня в этот день погожий Мы пришли сюда вдвоем с тобой. В зеркале тоже изобразенье, В глазах гляз сверкает огоньки... Я хочу, чтоб и этом учреждении Побывали все холостяки.

«ГОДЫ странствий»

Большим успехом у советского зрителя пользуется пьеса А. Арбузова «Годы странствий». Она идет на сценах многих театров страны.

Студент Государственного художественного института Эстонской ССР Владимир Ворошилов избрал в качестве темы своей дипломной работы декорации и костюмы к этому спектаклю. Государственная экзаменационная комиссия дала работе молодого художника высшую оценку — «отлично».

На этой выставке мы публикуем отдельные эскизы В. Ворошилова.

ВСТРЕЧА С ФАРХАДОМ

Шепнула мне душа, что мне увидеть надо,
Как рухнет скала под натиском Фархада.
И з а м и.

Невероятной силы взрыв потряс горы Малого Кавказа. На воздух вылетело несколько сот тысяч тонн породы. Над Кашкарчайским ущельем поднялись огромные столбы пыли. По лесу и ущельям метались перепуганные звери, со скал звались орлы и, набрав высоту, плавно парили в голубом кожном небе.

Взрывом на сотни метров отбросило большие глыбы прозрачного, похожего на мрамор алушта. Это минерал, из которого добывается газнозем — сырье для выработки алюминия.

Строивший по плану шестой пятилетки крупнейший в Советском Союзе Кировабадский газноземный завод будет снабжать этим сырьем не только Сулганский алюминиевый комбинат, но и ряд других предприятий цветной металлургии страны.

Вот почему я заинтересовался алуштом и решил побывать там, где он добывается.

К Заглинским алуштовым месторождениям ведет горная дорога, петляющая по Кашкарчайскому ущелью. Мы приехали на рудники накануне второго взрыва. Пожилой мастер Джавад Али, работавший здесь бурьничком еще в те времена, когда разработки принадлежали промышленнику Симменсу, сказал мне: — Обязательно познакомьтесь с Фархадом Алиевым. Вы знаете песню, которую я о нем сложил?

— Какую песню?
— Сейчас услышите! — воскликнул седебородый Джавад Али и позвал вичуку: — Гариба! Принеси мой саз.

В комнату вошла девушка лет пятнадцати и подала старику отделанный перламутром саз.

Джавад Али тронул смуглыми пальцами струны и запел:

Повисли в горах Заглина юный Фархад,
Его подняли сванты старый адуз Джавад.
Гушунт сыны Фархад богатейшей рудой.
Он поспорит гогом с бурной горной рекой.
Славен труд твой, о смельчак Фархад!
Шаг горчицы салым тебе мастер Джавад...

Ночью я увидел в горах костры. Они пылали по другую сторону ущелья, где весил искристые работы. Багровые отблески пламени озарили зубчатые вершины Гей-Дага, образуя фантастические зрелища.

Показывая на костры, Джавад Али сказал: — Их зажгли для Фархада.

— Почему?

— Вторую ночь проводит юноша в забое, чтобы быстрее закончить бурение штолны. Два дня назад прибыли экскаваторы, а забой не подготовлен. Вот и решил Фархад на три дня раньше срока закончить работу.

Рано утром, гулко перекатываясь в горах, прогремел взрыв. Я выбежал из комнаты и посмотрел в ту сторону, где ночью горели костры: три серых столба, словно гигантские, причудливые стволы деревьев, устремились к небу.

Джавад Али с гордостью сказал: — Видишь, гость, как рушит горы Фархад. Он мой лучший ученик.

Вскоре мы выехали к месту взрыва. Над дорогой еще свежо висело серое облако пыли, а к забое уже дингалась тяжелая экскаваторы.

Я ожидал встретить человека могучего телосложения. В моем воображении рисовался образ легендарного каменотеса Фархада из бессмертной поэмы Низами:

Сцена из второго акта.

О самом "дорогом"

За последнее время областные театры создали немало спектаклей по пьесам местных драматургов. Осуществил такую постановку и Брянский драматический театр. Недавно здесь состоялась премьера пьесы А. Козина «О самом дорогом».

Автор принес рукописи более года назад. Коллектив театра заинтересовался новым произведением и помог автору внести некоторые изменения в сценический вариант пьесы.

Сюжет ее прост. Работник областного управления сельского хозяйства Куприянов, приехавший в деревню по призыву партии, избирается председателем колхоза. С первых же дней он наталкивается на рутинерство бывшего председателя этой же артели Сыромятова, который, по меткому выражению Куприянова, «закоснел, как морозный

дуб». Сыромятов всячески отстает свои неправильные взгляды, стремится назвать их, не говорясь никакими средствами.

У Куприянова не все гладко в семье: жена не рывается перевезти из города в деревню. Сыромятов всевозможными интригами и клеветой усугубляет этот разлад. Пытается лишить нового председателя поддержки со стороны райкома партии. Сыромятов обвиняет свою сестру — жену секретаря райкома —

в близких отношениях с Куприяновым. Несмотря на большие душевные переживания, вызванные мимолетной изменой жены, секретарь райкома Лобачев всецело на стороне Куприянова. Он защищает его от нападок бывшего председателя и с помощью коммунистов колхоза разоблачает преступные действия Сыромятова.

Сыромятов — заслуженный артист Узбекской ССР В. Куприянов.

Правдивость и возлюбованность, с которыми автор и театр изобразили будни сегодняшней колхозной деревни, придает спектаклю большое общественное звучание. Образы секретаря райкома Лобачева (артист П. Пухляков) и Сыромятова (заслуженный артист Узбекской ССР Б. Котляревский) — удача драматурга и театра.

Зрители тепло приняли новый спектакль.

А. ИВАНОВ

Воевал, с горюхо схож и всех ввергал в страх,
Фархад, что груды скал расцедила в горах.
Выл высотой силач, что могучий слог...

В Фархаде двух слонов удивившая сила...

Но каково было мое удивление, когда к нам подошел невысокий, худенький паренек с застенчивым, совсем еще юным лицом! Он смущенно протянул руку и отрекомендовался: — Фархад Алиев.

За два дня этот паренек выполнил пять норм и заработал около четырехсот рублей. Ответил на интересовавшие нас вопросы, он взял перфоратор и направился в забой.

— Куда ты? — окликнул его мастер.
— Как это куда? — удивился Фархад! — Надо

измельчать негабариты. Видите, к нам идут экскаваторы. Им же не захватить ковшами пятнадцатитонные глыбы.

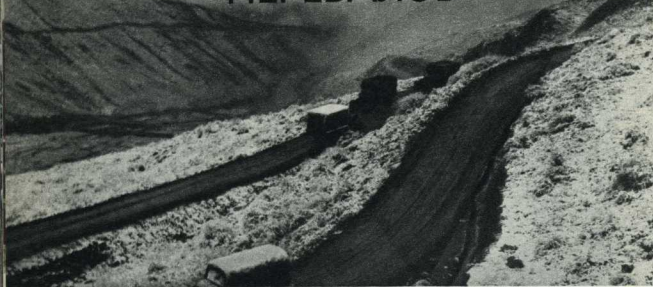
Когда паренек ушел, мастер сказал: — А знаете ли вы, что Фархад Алиев уже работает в счет будущего года?

Я долго наблюдал за Фархадом, который ловко крушил пневматическим молотком твердые породы алушта. И все вокруг радовался успехам этого славного юноши-комсомола. Перед ним были одни из тех героев шестой пятилетки, чей трудовой подвиг уже воспевается в песнях.

К. ХРОМОВ

г. Кировабад,
Азербайджанская ССР.

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПЕРЕВАЛОВ

Дане в сентябре на Тибетском плоскогорье часто бывают снежные бури.

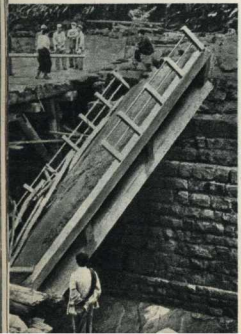
Фото автора.

В. ОВЧИННИКОВ

Представьте себе грузовик, движущийся за облаками, на высоте, где обычно совершают рейсы самолеты. Грудной А ведь именно по таким высотам приходится карабкаться автомашинам, чтобы преодолеть горные хребты, которыми природа отгородила Тибет от внешнего мира.

Недавно по приглашению Государственного Совета Китайской Народной Республики группа корреспондентов посетила эту отдаленную провинцию Китая. Дорога, по которой мы ехали в Ляксу, осталась одной из самых ярких страниц среди впечатлений нашей восьмидесятидневной поездки. На протяжении двух с половиной тысяч километров, отделяющих Чанду от Ляксы, высокогорная магистраль предстает перед глазами как символ торжества человека над природой.

Дорожно-ремонтная бригада восстанавливает разрушенный землетрясением мост.

Тибет обрел надежную связь со всей страной. Трасса автомобильной дороги пролегла там, где совсем недавно змеились лишь караванные тропы, на много месяцев в году заваленные снегом.

Природа высочайшего в мире Тибетского нагорья ошеломляет своей многоликостью. Как в калейдоскопе, сменяются ландшафты. То перед нами величественная альпийская страна с крупными изломами скалистых горных цепей и темными провалами ущелий. То мы попадаем в широкие долины, разделенные пологими горами ледниковых морен, с заболоченными озерами и редким покровом высокогорных трав. То за каменными глыбами подъямыл глазу открываются зубчатые стены пещер. Мы постоянно сталкивались с чудесами тибетского климата. Солнце печет немилосердно, но стоит шагнуть в тени, как холод начинает пробирать до костей. По утрам шоферы подолгу жгут масляные факелы, чтобы завести моторы после ночного заморозка, а днем от жары на только полушубки, но и тонкие куртки кажутся тяжелыми.

Четырнадцать перевалов один за другим пришлось одолеть ишим автомашинам на пути в Ляксу. Надсадно ревя, автомобили взбираются на высоту четырех тысяч метров над уровнем моря. Народная фантазия населила эти места злыми духами, которым шлот негуды и беды всакому, кто отважится здесь появиться. Для защиты от них на гребнях перевалов тибетцы ставят шесты с полотняными священными текстов. Добравшись до этих флажков, погонщики караванов по обычаю кладут возле них камешек, принесенный с подошвы, и торосище продолжают путь, чтобы до ночи спуститься как можно ниже.

Строителям автомобильной дороги приходилось жить и работать здесь по дни, а неделя и месяцы. Они трудились в разрезанном

воздухе, где кирка и лом кажутся втройне тяжелее.

Уже первые часы путешествия дали нам представление о трудностях, через которые прошли строители шоссе и с которыми сейчас приходится сталкиваться дорожно-ремонтным бригадам. Тибетские горы — один из самых молодых в мире, и здесь очень часто заметна эрозия. Не случайно старинные поверья говорят, что Тибет лежит как раз над головой рыбы Нандибаб, на которой держится вся земля. Движение рыбы якобы и вызывает тут все сильное.

Заметнее и не только обычно затнувшиеся дожди на несколько дней задержали нас у горы Эрлэншань. Мы начали подниматься на перевал в первый же день возобновления движения. Машины то и дело упирались в завалы из обломков скал, земли, вывороченных деревьев. Посуду кипела работа. Ремонтники расчищали дорогу, исправляли мосты, разрушенные землетрясением. В сердечных приветствиях, которыми обменивались шоферы и дорожники, чувствовалась крепкая боевая дружба, родившаяся у людей, связанных общим трудным и опасным делом.

Домаясь ремонтники, запрыгавшие станции, выросшие вдоль трассы, стали теми центрами, к которым теперь тянется жизнь в этих местах. Часто, остановившись на ночле, мы видели рядом лагерь тибетского каравана. Развочью яков или осликов, укра-

шенных по здешним обычаям кистями из красной шерсти и звонкими бубенцами, погонщики раздували меховым рукавом костер, жгли чашки чай.

Многие из них завелили с водителями машин длинные разговоры о том, сколько и каких товаров может подвезти каждый грузовик.

Всего год прошел со дня открытия Тибетской магистрали. Но народ уже привык считать друзьями тех, кто едет по тракту в автомашине. Каждый встречный приветствовал нас, вытянув руки ладонями вверх и высунув кончик языка. Эта необычная форма приветствия родилась в Тибете во времена феодальной смуты и родовой мести, когда люди при встрече хотели прежде всего показать друг другу, что у них нет оружия или враждебных помыслов.

Тибетские селения встречаются обычно в долинах рек, где на клочках земли, оцищенных от камней, растет чинко — местный сорт ячменя. Вспахивая на паре яков свое поле, крестьянин по обычаю пускает соху сначала низко, чтобы, как говорят старики, согнать в угол всю нечисть и придать ее потом камням. Урожай от этого, однако, не становится выше: сам-три, сам-четыре — обычный сбор. И в зажиточной и в бедной семье основную пищу составляет чинко — мука из перемороженных в горячем песке зерен ячменя. Ее едят так: насыпают в деревянную чашку, кото-

По левой стороне дороги неторопливо бредут яки, нагруженные товарами.

рузу каждый тибетец носит за плечом, доливает немного чая, размешивают — и кушанье готово.

Жизни тибетца — курба — попростому так, что в случае внезапного набега яков оно превращается в крепость. Эти высокие строения с плоскими крышами имеют малочисленные окошки, обильно наверху. Самые нижний этаж этот замковый стояла для скота,

легко убирающаяся лесенка через отверстие в потолке ведет в жилые помещения, всегда наполненные дымом от очага, который вернее было бы назвать костром. Еще выше, в небольших пристройках на плоской крыше, хранится зерно.

Над домом земледельца и над палаткой кочевника в Тибете всегда видишь флажки с текстами буддистских молитв. Визуальные религии здесь столь велики, что с ним сталкиваешься чуть ли не на каждом шагу.

Дороги то и дело преграждают мачи — священные стены, которые надо непременно обходить слева направо. У оград монастырей тянутся ряды молитвенных колес. Это нечто вроде закрепленных на вертикальной оси бочек, которые каждый прохожий должен покрутить. Есть и маленькие молитвенные колеса, похожие на ручную трещотку. Их вертят на ходу паломники, направляющиеся к святым местам.

Монастыри в Тибете — это целые города, спускающиеся со склонов гор каскадами белых каменных зданий. В области с населением меньше миллиона человек насчитывается сто пятьдесят тысяч лам, которые живут за счет приношений и монастырских до-

могосюда, как базарные ряды. У товаров, разложенных под пестрыми тентами, идут жаркие споры. Купить что-нибудь, не потрогавши, считается просто неудобным. Звонит серебро: торговцы, получая деньги, проверяют каждую монету ударом о камень. С ярким гонимостью друг за другом чумазые ребяташки. Жрицы привязанные кони. Женщины, хозяйничавшие на крышах домов, перекинулись через улицу друг с другом. Монахи в высоких островерхих шапках собираются помертвования. В философском спокойствии застал, опершись о стернинное ружье, полицейский в широкополой шляпе и с длинной бирзовой серогой в левом руке.

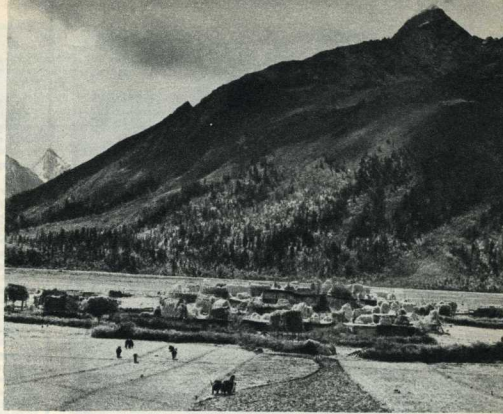
Когда разглядываешь толпу, наводящую улицы Лхассы, особенно бросается в глаза любовь тибетцев к ярким, пестрым украшениям.

То и дело уличный шум покрывает пронзительный визг собаки, погнавшей кому-то под ноги. Эти бездомные псы в Лхассе великое множество: в святом городе никто не смеет убить никакую живую тварь.

На перекрестках улиц стоят огромные бронзовые чаны. Во время религиозных праздников, когда население Лхассы чуть ли не удаивается за счет стекающих сюда паломников, в них кипятят чай. Однако и в обычное время в городе полно богомольцев, подаяниями которых кормится целая армия нищих, гадалок и монахов.

Каменные плиты у входа в монастырь Цайкан отполированы до зеркального блеска. Люди, приходящие издалека за исцелением от недугов, часами бьют здесь звонные поклоны. Стоящий тут же каменный обелиск с закинутыми от осмы весь вышербом. Паломники уносят с собой частички этого камня, полагая, что он может защитить от страшной болезни.

Однако все больше людей за последние годы начинают верить и в другие средства лечения. Наряду больницы Лхассы, оснащенная современной оборудова-

У подножий гор, в долинах рек расположены тибетские селения.

Торговые ряды на одной из улиц Лхассы.

ходов. Монастырем принадлежит значительная часть пахотных земель пастбищ. Если учесть крайне низкий уровень производительных сил, легко представить себе, каким тяжелым бременем ложится религия на экономику Тибета. Даже небольшой монастырь сжигает за день в лампадах пятьдесят выюков коровьего масла — больше двух тонн.

...В последнюю ночь перед Лхассой мы долго не могли уснуть. Поднялись на рассвете и двинулись дальше. Перевалов впереди больше нет, и машины мчались быстро.

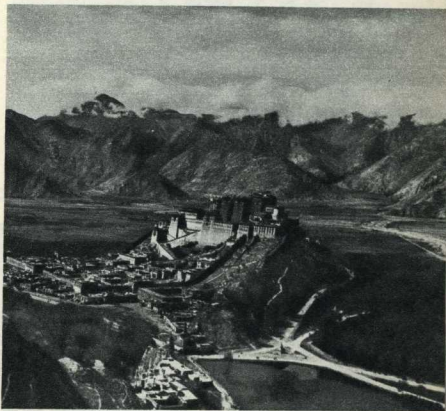
Вот показали стальные фермы моста. Перила его увешаны белыми полотнищами. Это за та — знаки благоденствия прошедших людей.

На противоположном берегу реки лежат город, дуэт каменные строения с плоскими крышами, отличающиеся от сельских домов более аккуратной кладкой да тем, что почти все здания украшены лавами.

Торговля в Лхассе, однако, больше происходит на улицах,

Паломник с молитвенной вертушкой.

Дворец далай-ламы — Пotala.

нием, ежедневно принимает сотни больных. К помощи китайских врачей обращается немало и лам.

Новые черты все автентичнее проступают в средневековом облике города, заметно меняя его. Вот группа юношей и девушек возвращается с занятиями в школе национальных кадров, звонко распевая только что разученную песню. Караван яков уступает дорогу колонне автомашин, едущих к зданию государственной торговой компании. Оживленную толпу мы застаем перед местным отделением Народного банка. Сюда каждый день приходит за суда-

ми десятки лхасских кустарей — ковровщиков, меховщиков, кузнецов, оружейников. Поток грузов из внутренних районов Китая растет из месяца в месяц. Промышленные товары из Пекина, Тяньцзиня и Шанхая пользуются большим спросом на местном рынке.

Каждого, кто приезжает в Лхассу, восхищает и потрясает Пotala — дворец далай-ламы, стоящий на краю города. Это выдающееся творение человеческих рук воплотило в себе характерные черты тибетской архитектуры. Его стены сходятся, как грани усеченной пирамиды, воспроизводя

Напряженный момент игры в баскетбол. На поле команды Культурной Федерации патристических женщин Лхассы и служащих учреждений города.

контуры горных склонов. Здание устремляется вверх, словно вырстая из горы, на которой оно стоит.

Много интересного, почти сказочного можно увидеть в полутемных, прокопченных лампадами залах Поталы и двадцатиметровые уральские прожилки давай-лам, сделанные из листового золота, в которое вкраплены неотшлифованные драгоценные камни величиной с яйцо; и помещения жидца — секретариата нынешнего давай-ламы, где все находится в производстве дела хранятся в тринадцатых узелках, развешенных по стенам; и древние фрески, рассказывающие историю тибетского народа. Если по невероятно крутым лестницам Поталы взобраться на самый верх здания, газлам становится больше от близости позолоченных кровель. Отсюда можно разглядеть парк, пруды и беседки Норбулинки — летней резиденции давай-ламы, а еще

далее — домики и поля Лхасской агротехнической станции. Эта станция принадлежит к числу первых форпостов науки, на долю которых выпала честь положить начало разведке неизведанных богатств Тибета, его природы и недр.

Несколько до нашего отъезда в Лхассе впервые в истории открылась выставка, на которой агротехстация демонстрировала свои достижения: прекрившие озими, впервые выращенные в этих местах, отлично прижились; здесь высокоурожайные сорта зерновых. На выставке были также показаны современные машины и орудия, с помощью которых ведется обработка опытных участков. Оживленные толпы народа с утра до вечера проходили по залам выставок. И это, пожалуй, убедительнее всего говорило о важнейшем сдвиге в сознании тибетского народа, о прорисующем в нем жадном интересе к новому.

АТОМНЫЙ ЛОКОМОТИВ

ДИПЛОМНЫЙ ПРОЕКТ СТУДЕНТОВ АНАТОЛИЯ СТЕПАНОВА И ВИТАЛИЯ ШАЙКОВА

Это было около года назад. Группа студентов Высшего технического училища имени Н. Э. Баумана проходила преддипломную практику на Коломенском паровозостроительном заводе. В то время в конструкторском бюро завода шла разработка проекта газотурбовоза. Студентам очень хотелось принять участие в этой работе. Они рассказали о своем желании профессору Ивану Федоровичу Суворову. Вынаметелем выслушав юнцов, он сказал: — А не занялись ли нам проектированием атомного локомотива?

Мысль понравилась. Студенты Анатолий Степанов и Виталий Шайков решили взять разработку проекта атомного локомотива в качестве диплома.

Прежде всего друзья строго распределили между собой обязанности. Анатолий должен был произвести расчеты турбины, конденсатора, а Виталий — реактора и котельной установок.

Нужно было изучить много технической литературы, познакомиться с тем, что написано по этому вопросу в иностранных журналах.

Наибольшие трудности проектировщики встретили при выборе типа и размеров реактора. После долгого изучения многих схем остановились на гетерогенном реакторе с графитовым замедлителем.

Очень сложным оказался выбор турбины. В отличие от обычных турбин, которые, как правило, работают на одной скорости, предстояло создать турбину с двумя ступенями скорости.

Для изоляции паровой бригады от вредного действия радиоактивных излучений переносного теплоносителя, циркулирующего в реакторе, был оборудован второй, промежуточный теплообменник.

Уточнив вес оборудования, друзья решили, что локомотив должен состоять из двух секций: в первую войдут реактор и котельная установка, во вторую — паровая турбина, конденсатор, вспомогательные устройства. Длина первой секции составит 25 метров и будет иметь 12 осей. Вторая — тоже 25 метров, но 6 осей. В каждой секции предусмотрены просторные кабины для машинистов, благодаря чему тепловоз может не разворачиваться по кругу.

Наконец материал собран, расчеты произведены. Дипломная работа закончена. Наступил день защиты. В зале рядом со студентами — видные ученые, профессора. На огромной доске развешены многолинейные чертежи. Здесь схемы реактора, турбины, генератора. Анатолий Степанов дает объяснения:

— Мощность локомотива будет составлять 5 500 лошадиных сил. Без добавления воды он сможет проходить больше тысячи километров.

Потом выступает Виталий Шайков. Он рассказывает о реакторе и котельной установке.

— Для заправки реактора, — говорит он, — требуется естественный уран, обогащенный до двух процентов ураном-235.

Государственная экзаменационная комиссия дала проекту атомного локомотива отличную оценку.

Преподаватели, друзья тепло поздравляли молодых инженеров-комсомольцев с успешным завершением работы. И, конечно, первым подошел поздравить своих учеников профессор Иван Федорович Суворов.

— Я уверен, — сказал он, — что недалек тот день, когда на стальных магистралях нашей страны повьется атомный локомотив.

В. СТЕПАНЕНКО

Студенты-дипломники на консультациях у научного руководителя. На снимке слева направо: В. Шайков, профессор И. Суворов, А. Степанов. Фото Г. Воржова.

О ТЕХ, КОМУ НЕТ ДВАДЦАТИ...

Это эмблема Спартакиады народов СССР, сделанная по эскизу художника В. Корчаго. Тамим будет официальным значком участников соревнований в Луизиане.

О Спартакиаде народов СССР все мы узнали еще в прошлом году. Каждый, кто хоть немного любит спорт, с нетерпением ждет, когда на арену главного стадиона страны выйдут тысячи футболистов, баскетболистов, гимнастов, борцов, легкоатлетов — цвет и гордость советского спорта.

Это будут лучшие из лучших! Каждая республика выставит команду из четырехсот человек, показавших результаты не ниже нормы мастера или первого разряда всесоюзной классификации. А ведь норма мастера спорта СССР — это результат мирового класса.

В команде каждой республики будет семьдесят пять легкоатлетов: бегунов, прыгунов, метателей. Подготовить их нелегко. Высокие спортивные показатели не приходят сами; их завоеывают в тяжелом и кропотливом труде.

Предстоящая Спартакиада народов СССР заметно оживила спортивную жизнь республик и областей, способствовала дальнейшему росту мастерства наших легкоатлетов.

Об этом свидетельствуют итоги минувшего года. За 12 месяцев наши легкоатлеты 62 раза улучшали всесоюзные рекорды, 26 раз — европейские и 22 — мировые. Если в прошлом году советские бегуны, прыгуны и метатели занимали в первых десятках мира 50 мест, то сейчас им принадлежит уже 87 мест! Семьдесят пять молодых легкоатлетов впервые выполнили норму мастера спорта, сотни юношей и девушек показали результаты первого разряда.

Юным спортсменам, с которыми мы познакомимся сегодня, нет и двадцати лет, они еще учатся в школе для на первых курсах высших учебных заведений. Это отрядный факт, говорящий, что работе с детьми у нас наконец начали придавать серьезное значение. Ведь для того, чтобы к 19—20 годам стать мастером спорта, необходимо уже с 12—13 лет правильно и систематически тренироваться. Достижения американских легкоатлетов за последние годы не случайны. Американские школьники с 12—13 лет занимаются легкой атлетикой и участвуют в соревнованиях, которые проводятся между командами школ регулярно раз в неделю.

Юные спортсмены очень рано специализируются в каком-либо виде легкой атлетики.

Известно, что знаменитый Джесси Оуэнс, чей рекорд на 100 метров не побит с 1936 года, в возрасте 15 лет пробежал 200 метров за 21,1 секунды. Роберт Матиса в 17 лет стал олимпийским чемпионом по джудо, а его брат Джим в 15 лет набрал в этом виде спорта 7 тысяч очков.

Московский школьник Олег Федосеев начал заниматься спортом, учась еще в младших классах. Сначала это были лыжи, коньки, а затем ему пришлось по душе легкая атлетика. В спортивной школе Мосгоризо он добился первых успехов. В 1954 году семнадцатилетний юноша прыгнул в длину на 7 метров 17 сантиметров, взяв высоту 185 сантиметров и в тройном прыжке преодолел 15 метров 2 сантиметра.

Настоящим экзаменом для юного легкоатлета явился матч СССР — Великобритания и Северная Ирландия. Зрители, ставшие в Ирландию свидетелями этого увлекательного соревнования, были немало удивлены, когда Федосеев опередил рекордсмена СССР Григорьева и сильнейшего английского прыгуна Кена Уиллмерста.

Осенью Олег выехал в Румынию в составе сборной молодежной команды Советского Союза. И здесь первое место осталось за ним. Результат в тройном прыжке, показанный Федосеевым на первенстве СССР в Тбилиси, поставил его на одну десятую с сильнейшим прыгуном земного шара — бразильцем Ф. да Силва, москвичом Л. Щербачевым и другими. Среди десяти лучших прыгунов мира Федосеев занимает сейчас седьмое место.

Олег не прекращал тренировки и зимой. А в начале марта он поразил нас новым великолепным результатом — прыжком в длину на 7 метров 34 сантиметра. Только 10 сантиметров отделяют его теперь от всесоюзного рекорда. Остается пожелать Олегу и его тренеру Николаю Георгиевичу Озолу не перешагнуть в недалеком будущем и этот рубеж.

Многие из наших читателей хорошо помнят выступления заслуженного мастера спорта Елены Гюкелли. Прошло несколько лет с той поры, как на беговую дорожку вышел ее сын, ныне студент Тбилисского политехнического института Гурам Гвишидзе. Юноша, чье семейное традиция, избрал своей спортивной специальностью бег с барьерами. Гурам всего 18 лет, но он уже выполнил норму первого разряда в беге на 100 метров с барьерами. Только 15,1 секунды понадобилось Гураму, чтобы преодолеть это расстояние. Лишь на одну секунду меньше затраты на эту дистанцию ленинградцев Б. Стояров, чье время оказалось лучшим в сезоне 1955 года. Гурам Гвишидзе, несмотря на свою молодость, включен в состав сборной команды страны.

На финише борьбы особенно упорно, Владимир Марин сумел выиграть у одного из сильнейших спринтеров — Лесана Саадзе.

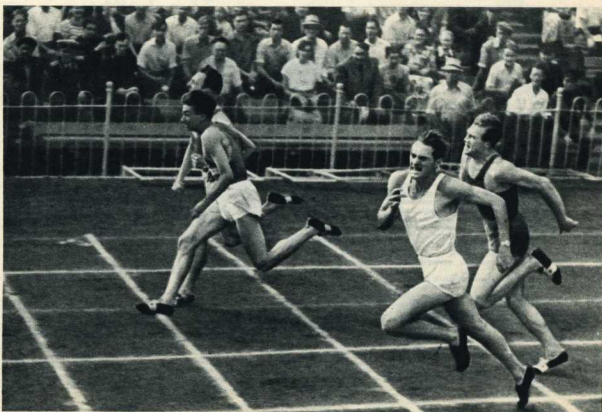

Фото М. Богатова.

Семья чемпионов

— К штанге вызывается Лопатин! — объявил судья. Зал зашумел. Кто же знает всемирного чемпиона Европы и СССР в спорте ХУ Олимпийских игр, заслуженного мастера спорта Евгения Лопатина! Но когда на помост вышел известный атлет — вышел незнакомый юноша, зал растерянно захлопался чей-то голос:

Наверное, ошибка! Но ошибка не было. К штанге действительно вышел Лопатин. Это был Сергей Лопатин — сын известного штангиста. Всего три года назад он впервые поднял и штангу и под руководством отца достиг заметных результатов. В творчестве он поднимал 340—345 килограммов.

Впервые участвуя в таком соревновании, наш спартакиадец Московского городского совета общества «Динамо» Сергей Лопатин стал чемпионом Москвы в лучшем виде среди школьников «Динамо».

Хорошо выступил и отец. Он занял первое место среди штангистов легкого веса. Теперь в семье Лопатиных два чемпиона.

На снимке: Сергей Лопатин со своим отцом в тренировочном зале.

Фото мастера спорта СССР В. Пустовойта.

ком сибирском городе Черемухове. Правда, первую золотую медаль девушке вручили не за спортивные достижения. Она заслужила эту награду, отлично окончив десятилетку. Еще учась в школе, Зоя стала победительницей первой спартакиады учащихся в Ленинграде. А теперь Шилова — студентка Института физкультуры. Ей принадлежит рекорд страны для девушек в беге на 400 метров. Ее время — 57 секунд — лишь несколько лет назад было рекордом страны для взрослых спортсменов. Зоя Шилова включена в прошлом году в сборную команду Российской Федерации. С каждым месяцем она улучшает свои результаты. Недалеко тот день, когда к золотой медали отличницы Зои прибавится новая награда — золотая медаль чемпионки страны.

Мы поехали лишь о некоторых юных мастерах. А разве не достойны внимания студент Кипсовского университета Игорь Петренко, в шестидесять лет прыгнувший с шестом на 4 метра сантиметром и установивший рекорд для юношей? Разве не интересно узнать о школьнике из города Ульяновки Нелли Егисеевой, которая пробежала 100 метров за 11,8 секунды, 800 метров в барьеры — за 11,5 секунды и стала мастером спорта?

Обо всех сразу не расскажем. Их много — бегунов, прыгунов, метателей, лишь вчера шагнувших в большой спорт. Техника, мастерство юных легкоатлетов-комсомольцев растут с каждым днем, и на Спартакиаде народом СССР немало юношей и девушек, как равные с равными, вступят в борьбу с прославленными рекордсменами и чемпионами. А самые достойные, безусловно, добьются чести защищать спортивное знамя Родины на Олимпийских играх в Мельбурне. Пожелаем им успеха!

Н. ПЕТУХОВА,

государственный тренер СССР по легкой атлетике.

Рита приехала в Москву на пятую спартакиаду ВЦСПС. Она добилась права участвовать в финальном забеге, бегала легко, красиво, но, пожалуй, только робость новичка помешала ей завоевать первенство.

Пример Риты Петрикайте еще раз подтверждает, что молодежь в возрасте 17—20 лет обладает выдающиеся результаты в беге на короткие дистанции. Говорит он и о другом: при ускоренном беге зрелые можно достичь не только под руководством известных тренеров. Ведь с Петрикайте занимался тренер-объективщик инженер А. Шляжис.

...Когда зрители увидели, как юноша стремительно двинулся к финишу, с трубами посыпались громкие возгласы: «Игнатьев, Игнатьев!». Это было в прошлом году, во время выступления нацистской сборной молодежной команды в румынском городе Плоешти. Однако зрители ошиблись. По дорожке бежал представитель рекордсмен, а молодой москвич Владимир Марин. На финише он был первым.

Владимир Марин вынес в числе лучших спринтеров страны после того, как сумел пробежать 100 метров за 10,7 секунды. Высокая скорость удачно сочетается у Марина с выносливостью. Поэтому молодой бегун сейчас ищет своего спортивного специальностям, он начинает тренироваться в беге на 400 метров. И, быть может, румынские любители спорта, пришедшие Марина за Ардалана Игнатьева, не так уж сильно ошиблись. Есть все основания полагать, что Владимир в скором времени сумеет пробежать эту трудную дистанцию «по-игнатьевски».

С каждым днем расширяется география легкой атлетике. Талантливые мастера появляются не только в Москве, Ленинграде и республиканских центрах.

Зоя Шилова, например, получила спортивное воспитание в лаге-

Только десять сантиметров не хватает молодому прыгуночку Олегу Досеву, чтобы побить всесоюзный рекорд.

Высокая, коротко сложенная, Тамара Пресс имеет все данные, чтобы стать переломленным легкоатлетом. К тому же она трудолюбива, целеустремлена. На соревнованиях в Руминях осенью прошлого года Тамара толкнула ядро уже на 13 метров 76 сантиметров и метнула копье почти на 45 метров. Нет сомнения, что на Спартакиаде наша сильнейшая металелница Нина Пономарева, Ирина Безгалова, Антонина Ващенко и другие встретят в лице Тамары Пресс достойного противника.

Самая юная участница сборной команды страны по легкой атлетике — Рита Петрикайте. Молодой работнице электростанции города Купино исполнилось всего лишь 17 лет, однако она показывает результаты, которыми далеко не всегда радуют нас опытные мастера. На первых крупных соревнованиях — первенстве Ленинграда 1955 года — Рита пробежала 100 метров за 12 секунд. Вскоре

Это будет на Спартакиаде

Спартакиада народов СССР — не только всеармянский смотр советского спорта, но и генеральная репетиция предстоящих соревнований в спорте в Австралии ХУ Олимпийских игр. По плану из 21 вида спорта, составляющего программу Спартакиады, 18 единичных видов является теннис.

Исключение для тенниса сделано не случайно. Эта игра, очень популярная во многих странах, получает все большее развитие и на нашем мастеровитом советском теннисистов растет медленно.

Соревнования по теннису пройдут за пять дней: 18 команд будут состязаться по олимпийской системе проигравший выбывает. Однако места для прогрессивных новаторов определяются по результатам дополнительных встреч. Победит коллектив, набравший в каждой встрече наибольшее количество очков.

Затем 160 сильнейших взрослых и юных теннисистов и теннисисток, выделенных на зональных встречах, предвступят к соревнованиям в борьбе за личное первенство. Остатки будут разыграны в парных встречах и Спартакиаде в парных состязаниях будут 24 мужские, 24 женские и 32 смешанные пары. Соревнования обещают быть интересными. Сумеет ли чемпион СССР — коллектив столичных

теннисистов — вновь доказать свое превосходство над сильной командой Ленинграда, над молодцами, вступающими мастерами Эстонии и Украины? Что покажут впервые выходящие на всесоюзные соревнования одну теннисистку Тардинскую и Карябинскую, дискуссионно ли будет московский спартакиадец Сергей Андреев удерживать звание чем-

пионистов Виктора Анисимова из Ростова-на-Дону, Максимов Савитская Мирза, заслуженный мастер Руднев и Анатолия Войнова, 16-летнего чемпиона среди юношей Андрея Лопатина.

Напряженная борьба предстоит между немцами. Докажут ли новую чемпионку СССР Лариса Прокопьевна, что ее победа на первенстве страны в 1955 году не была делом случая? Как проявит себя ее главные конкуренты: Валерия Кузьмина (Иркутск), Катя Гаврилова страны, эстонка Велле Тамм, молодая москвичка Евгения Ларина — финляндка всеобщих зимних соревнований?

А быть может, вновь заявит о своем праве на первенство представительницы старой гвардии Елизавета Чумачева, Вера Филипповна, Надежда Белойнова! Посмотрим, удастся ли установить своеобразный рекорд в 20-й раз вошла в спортивную историю всеобщих зимних СССР. А возможно, самое интересное, предвстает Спартакиаде, выдвинут ли новые имена?

Мы еще хотим исчерпывающе ответить на 10 дней борьбы на 20 теннисных площадках Центрального стадиона СССР в Лунинском.

В. КОЛЛЕГОРСКИЙ,

судья всесоюзной категории.

НА ТЕННИСНЫХ КОРТАХ

пиона СССР, или, быть может, не окажется популярный советский теннисист, спартакиадец Николай Овнер? Как выступят опытные спортсмены Михаил Карягин и Алексей Фридрих, московские Гагер Уингрод, чемпионы Ленинграда Андрей Гринберг и Владимир Кузнецов? Многого ждут от молодых

НА ЦЕСТОМ МАТЕРИКЕ

ДНЕВНИК
АНТАРКТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Из венгерского ЮМОРА

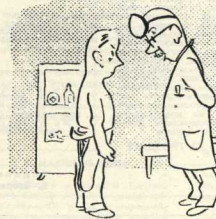
(По страницам сатирического
журнала «Лудаш Мати»)

В ОДНОМ ЛОНДОНСКОМ КЛУБЕ

— Это прекрасный чай, дорогой!
— И сомнительно, это все, что осталось у нас
от Цейлона...

УПРЯМЫЙ БОЛЬНОЙ

— Скажите «а-а».
— А если не скажу!

НА НЕКОТОРЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ БЫВАЕТ И ТАК...

— Чем мы можем вам помочь, товарищ?

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

— Это только маленькая царягиня!
Сейчас принесу квасин...

УДОБНОЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

— Да, дорогой... Ты прав, дорогой...

СИЛА ПРИВЫЧКИ

В пьесе, передаваемой по телевидению,
приближается конец 3-го акта...

19 марта. Сурина антарктические осень. Грозные свинцовые тучи закрывают небо. Резко понизилась температура воздуха. С мильонами на Мировой образуются проливные, холодные ветры. Скорость их достигает 30 метров в секунду.

Командованная бригада строителей М. Пинено заканчивает постройку здания сейсмической станции. Другая строительная бригада завершает кровельные работы на жилых домах.

За последние дни в Мирном произошло много изменений. На одной из оид выросло здание магнитной станции. Построены метеорологическая и метеорофизическая станции. Дала первый тон адмираловская.

21 марта. Прошло три недели, как дельтаэтеросид «Обя» покинул берег у Игноро. Сейчас он находится на крайнем юге Надрисского омыла. Плаванию затрудняют сильные штормы, туманы.

Несколько дней советские ученые проводили исследования в районе земли «Дисверия». На карту эта земля нанесена пунитром, так как долго оставалась загадкой для ученых.

Десять лет назад участники обединенной англо-аустралийско-новозеландской экспедиции высказали предположение о существовании здесь острова. Но из-за трудных ледовых условий проверить это предположение было нельзя. После американца океанолога Ричарда Вайда, проводившего аэрофотограмметрические съемки с вышкой, что омыла «Дисверия» — один из полуостровов Австралии.

Исследования советских ученых дают основание полагать, что в этом месте находится остров на большой бане, покрытая ледяным щитом и соединенная с материком шельфовым ледником.

30 марта, 23 марта дельтаэтеросид «Обя» прибавил в австралийский порт Адельаид. В гости к советским ученым и морякам приехали знаменитый австралийский исследователь Англинтия семидесятилетний профессор Лудас Мюссон. Он пригласил наших коллегников посетить лабораторию его имени в университете Адельаид, где имеются редкие материалы исследования Англинтия.

4 апреля. Дельтаэтеросид «Обя» продолжает свое трудное плавание. Штормы не утихают. Волны высотой до 18 метров бьются о борт судна. Почти не стихает ураганный ветер. Но и в этих условиях не нарушается размеренный рабочий ритм жизни корабля. Когда

одна из параволосок к острову Иага, ошвартованная вблизи острова, оказалось, что с помощью двух радиопередатчиков «Обя» получила и западному берегу острова и в полутора милях от него дельта в дрейфе. Когда ветер стих и над обломками показалась полная луна, волонтеры увидели перед собой огненные скалы и массивные над ними ледяные ожелезненные, испепеленного острова.

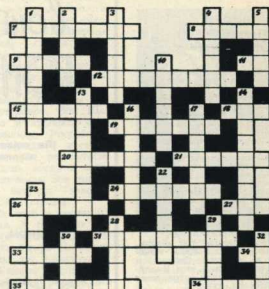
7 апреля. «Обя» подошла к острову Мауори, расположенному в субантарктических водах. Этот остров давно знаком русским морякам. 130 лет назад Мауори посетил корабль первой русской антарктической экспедиции, возглавлявшейся Ф. Веллингтоном.

Сейчас на острове находится австралийская научная обсерватория. По приглашению начальника острова Адамса группа ученых советской экспедиции сошла на берег, где ей был оказан исключительно радушный прием.

Виктории наших ученых обогатилась множеством интересных пинисей. На борт «Обя» доставлены образцы геологических пород, флоры и фауны. Растительность и животный мир Мауори разнообразны. Здесь находится самое крупное в Антарктике стадо морских слонов — около 50 тысяч голов. Есть морские коты. Множество птиц, больше всего пингвинов — около четырех миллионов.

Осмотрев остров, советские ученые и моряки вернулись на корабль. Поторопившись с нимощами Мауори, «Обя» взяла курс на север.

Составил С. Егоров.

По вертикали:

1. Речной романс. 2. Островского. 3. Французский писатель, автор популярных сказок. 4. Певчая промысловая рыба. 4. Цирков. 5. Дипломатический представитель. 6. Химический элемент. 14. Столица государства в Азии. 13. Электроэнергетический прибор. 14. Механизатор в МТС. 16. Советский авианоситель. 17. Государственное негосударственное пособие предпринимателям, организациям. 22. Лиственный носе дерево. 23. Полководец французской армии. 25. Геометрическая фигура. 26. Прозвание Л. Толстого. 29. Нефтяная ягода. 30. Фигура для вращения шпера. 32. Форма наименования синонимного слова.

По горизонтали:

7. Спортивная игра. 8. Наука о зрении. 9. Один из видов повествовательной литературы. 11. Музыкальный инструмент. 12. Порт на Волге. 15. Малая единица измерения длины. 16. Выдающийся советский исследователь Центральной Азии. 19. Великий русский полководец. 20. Обращение. 21. Озеро в Казахстане. 24. Арифметическое действие. 28. Лиственный металл. 27. Выдающийся французский ученый XVIII века. 31. Воздушное течение. 32. Вури на море. 34. Буря для изготовления рама и выривания. 35. Мужество, отвага, храбрость. 36. Великий польский поэт.

По следу

Хороша светела на побережье Белого моря! Ослепительно светела, с легким морозом ночи, необычайно небо, синица. К нам, когда в лесу еще лежит снег, привозят сюда лебеди, да и сами гуси, утки. В борях слетаются гуси, утки. Иногда слышны звуки с тетеревиным тоном, курлычат журавли. Начинается охотничья пора...

В этом году весна выдалась лютая. И охота сложилась не так, как и предпалаги. Ездил сюда за дичью, а встретил зверя попутнее. «Светлая морозная ночь.

Фото автора.

След отбыл и расплылся. Значит, медведь проходил здесь примерно сутки назад. По этим следам я обошел все повши. Медведь, очевидно, был голоден. Кладки его сна, который встречался ему на пути, он разрыл до земли в надежде найти мышь, выволочив из норы кусочек снега, несколько муравьиных яиц, в основном из них пошел. Но следов почти не осталось.

Следы гнилушки вдоль ручья, все выше в горы. Медведь дергался тробней и бутролом, иногда делал большие обходы, чтобы не заглянуть в рылок ручья. За медведем пошелосидел, следил за местами, куда я сам ни за что не забрал бы.

Второй день погоня началась с расчленования следов по территории. В надежде найти его я сделал пару кругов. Поодаль томовили тетерева, журавль ручей. Вдруг я уловил какие-то новые, необычные следы. Они доносились из долина. Потыкаться случился с одной стороны на другую, и подошел к краю большого выстура, и заглянул туда. Звук ясно слышался из-под снега. Вглядываясь, я заметил много следов на снегу, обходящему нору дуревей. И вдруг мягко, бесшумно на площадке высичился медведь.

Дальнейшее произошло мгновенно: медведица громо ринулась, повернувшись ко мне, двумя шагами выскочила в овраг — и снова тишина. Медведица лежала неподвижно.

С края скалы я заглянул в берлогу. Оттуда вылезли четыре светящихся точки — две пары ушек поскрипывали глаз. Медведица. Лесть в темноту я не решился.

В другой день снова пришел к пещере, но уже с товарищами. Медведица లేть, слышно прихватила одного к другу. Но, заметив нас, они побежали в берлогу. Один из ушел схватить за шиворот. Второй полез так далеко, что его невозможно было достать.

Помытый медведицей роетом был с небольшой собакой. Он не кусался, не царапался; его сиял страх. За-

то как он орал! Он авал на помощь требовательно и жалостливо. С трудом удалось всунуть медвежонка в люк.

Дома мишка осмонел с собою. Шел на бутылки с соевым молоком, играл. Его прилежно все: край шатерки, да который можно было потрогать зубами, сапоги, оловянный флюс.

Меня мучила совесть за второго медвежонка, и я снова ушел в лес. Оказалось было навозе особенно много, и мишчо. Снег сильно ослел. Снегу виделись маленькие следы. Но самого зверя не было. Дотога следов, часто сбиваясь, но на достигающего вытравленного сигнала, обреченный на кут. Здесь было тепло и сухо. Много муравьиных входов брусничника. Но надрасно я искал медвежонка среди бурелом и свалы. Он куда-то запропастился.

Что стало с медвежонком: нашел ли он себе безопасное укрытие, а может быть, его выследила рысь — все это осталось для меня загадкой.

Ручей уже громко, на весь лес, шел свою песню. Проспичил рубящий, да слышался другой. Лес жил и пелучей весенней зпняю.

В. ГИПЕНРЕЙТЕР,
мастер спорта СССР

УНИКАЛЬНЫЙ МАРАМОР

В подземных дворцах московского метро часто можно видеть экскурсанты. Особое внимание их привлекает отделка станций — мраморный наряд.

Станция московского метро — это своеобразный музей. Здесь собраны многочисленные породы благородного камня. Бог росовой «агатовый» и черный «агатовидный» с золотом «адаму» из Армении, белозолотая «агата» и черная «агатовидная» с Урала. Мрамор обычно носит название селения, реки или горы, где он найден.

Дружный ряд станций метро «Агата» отделан удивительно красивым мрамором с агатовым названием «оронто». У этого камня интересная «агатовая».

—Незадолго до войны группа геологов отправилась в Алтай искать новые месторождения мрамора. Проводя разведку, геологи увидели местный житель о чудесном

камне, залегающем в горах Онугда. Решено было проехать туда следователю. Специалисты определили, что красивый и розовый цвета мрамора придает железно-марганцевый оттенок его коринцевым, а крем — желтоватым. Обуглившаяся часть растений оставили на мраморе черные и серые следы. «Оронто» получил общее название. Начались разработки камня. Но первый же взрыв прине огорчение. Выяснилось, что только сверху мрамор имеет неповторимый золотистый оттенок и цветные прожилки. Природа отдавала этот чудесный материал в небольшом количестве. С дальнего Алтая красивый мрамор «оронто» был привезен в Москву. Он украсил площадь у Красной Горы в этом месте. Таким образом, алмаз мрамора и оказался на горной вершине.

В этом камне собраны все

цвета радуги: красный, синий, зеленый... Краски сливаются в неповторимый узор. Специалисты определили, что красный и розовый цвета мрамора придает железно-марганцевый оттенок его коринцевым, а крем — желтоватым. Обуглившаяся часть растений оставили на мраморе черные и серые следы. «Оронто» получил общее название. Начались разработки камня. Но первый же взрыв прине огорчение. Выяснилось, что только сверху мрамор имеет неповторимый золотистый оттенок и цветные прожилки. Природа отдавала этот чудесный материал в небольшом количестве. С дальнего Алтая красивый мрамор «оронто» был привезен в Москву. Он украсил площадь у Красной Горы в этом месте. Таким образом, алмаз мрамора и оказался на горной вершине.

Ю. ГРОЗДЬЕВ

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА

Недавно житель города Харькова В. Лукинничов, колю на дворе ум, обнаружил огромные, хорошо сохранившиеся кости наукуто животного. О своей находке он сообщил в Государственный исторический музей.

Ученые заинтересовались находкой. Научный сотрудник музея Е. Пузанов установил, что это кости огромного мамонта. По своим размерам они превосходят кости широко известного таймырского мамонта, скелет которого сохраняется в Ленинградском зоологическом музее.

На снимке: научный сотрудник музея аспирант Е. Пузанов на исследовании найденных в Харькове костей мамонта.

На первой странице обложки: Солнечное утро. Фотохудож. А. Становова.
На второй странице обложки: У Красной Горы. Фотохудож. Х. Рахманов.
На четвертой странице обложки: Яблона цветет. Фотохудож. А. Становова.

Главный редактор М. А. Величко.
Оформление номера В. Урина.
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Изд. № 368.

Зинца 1013.

Тел. Д 3-34-24. А 05908. Подписано к печати 21/IV 1956 г. Тираж 250 000 экз.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. д.

Напризнание

На вступительных экзаменах в институт Борис провалился. Узнав об этом, мама пришла в отчаяние, а папа нахмурился и пренебрежительно бросил: «Шлопа-ля!» Оскорбленный Борю громко выругался и ушел в свою комнату.

«Папю, вы еще узнаете Бориса, когда он развалится», — лаяла на дядю. — Вот изобретай что-нибудь или заведи новую отрофу, тогда попляшет. Своей «Победе» будет у тебя, а может, и «Зиме»...»

Перед Борисом возникла радужная картина: он сидит в собственном «ЗИМЕ» и ведет солидный разговор со знаменитым ученым, а папа, забившись в угол машины, с благоговением слушает его...

«Надо немедленно действовать», — полагал Борис. — Надо совершить что-то исключительное. В путешествиях пойти, что ли? Будет и интрижка показательная, как в «Гвинюбу» в тайге или на полюсе борюсь со стихией, а потом меня, оборванного и обессиленного, спасают. Мама будет смотреть и плакать. Папа смеет! Не ожидал!»

Но мысль о героических путешествиях пришлось оставить: прежде всего нужна специальная одежда... «Ободуля и без поюса», — решил Борис, — а это замерзнуть! Гибнубу!» Мало ли профессии! Можно, например, стать поэтом. И живешь у поэтов что надо: рабочий день не нормирован, слава, почет... И никакой костюм в себе слышай!... Вот жалко, что цилиндров сейчас не носят. Впрочем, цилиндр можно заменить шляпой лодки. Ну, а затем шагнул prima и оригинальный нагрудный значок: два профиля — мой и Пушкина...

Раздумывая вновь испеченного поэта помешала мама: — Боря, тебе и телефону. Борис нехотя поднялся. Звонил приятель — Коля. — Халло, Бобик! Что делаешь, старина? Перегнаешь провал? Плюю. Нам нужно отдохнуть годик — другой от этих синусов и косинусов. Есть предложение развлекись. Погони и Мари. Ее родители уехали. Будет Лизн, ты? Ну, как? — Борю солидно кашлинул.

— Меня прислали к вам, чтоб плаванью учить, — сказал Индон Гусь. — Но прежде чем на речку отправляться, что мы должны. Особенно бояться Глубины. А Раксавайная, брат, сын. — Заметил старый Гусь. — Я в стравлял бытца: Гусям, чтоб плавать Не мейте нунка, научитесь. А Глубина.

В. АКУЛИНИН

г. Владимир.

— Видишь ли, Николас, я в принципе не возражаю, но у меня сегодня До жерты работы. Нужно кончить стихи для одной рецензии. Неужели подождите. Позовни позже, дружище! Гуляния гуляния, работа работой. Гуд бай.

Мама, слышавшая разговор сына, столка, как громом поразенная. — Боря, вот это, правда! — Ты вакавай! — Котик синкохително улыбнулся. — Ты поэт?, Боже мой! Я давно уже заметил, что в тебе что-то есть. Поэт Борис Подкитинки. Нет, не подождет. Фактически придется сменить. И остановку тыде. Я сама возьмусь за это дело...

Через день комнату Бориса трудно было узнать. В ней появились тахта, ковер, громадный письменный стол, пишущая машина, софитный запас бумаг, папиросы, шинкаря радиолы — все, что по мнению мамы, должно создавать творческую обстановку.

Мама рекомендовала сыну писать на злобу дня. Мама рекомендовала сыну писать на злобу дня. Мама рекомендовала сыну писать на злобу дня. Мама рекомендовала сыну писать на злобу дня.

На этом борню вдохновение облегло. Напрямая муза выпорхнула в притворную дверь. Вместо нее на помощь Борню пришла мама. Она ходила из угла в угол по комнате и вслух подбавляла рифму: «Навоза, оза, паровоза, заноза».

Самы ты заноза! — обиделся Бобин. — Здесь нумен и тонот. — С грехом пополам стихи были сочинены к обеду. Долго думали над тем, как их подписать. В конце концов остановились на псевдониме Артур Жемчужный. А вечером, разослав стихи по редакциям, Боря решил отраздоновать свое вступление в литературу. Собрался заглядывать домой. Николас произнес репы:

— Я горнусь дружиной с генеральным поэтом Артуром Жемчужным. Его стихи еще загремели! Он еще даст ко-новому прикурить! За восходяще светлая Ура!

Ура кричали долго, даве соседя не выдержали и стали стучать в стену утюгом. Но на эту прозу никто не обратил внимания. Одна девица попросила лизинки, но только строк в ее альбоме. Мама рыдала от радости, папа что-то бубнил о наследственном таланте сына.

— Месяц Борис жил, как в тумане. До обеда он спал, а ввечеру уходил в ресторан «общаясь с массами» и собирать материал для задуманной поэмы.

Наонце из редакций одного журнала пришел ответ. В нем говорилось, что стихи сырые, недорочественные, что тема раскрыта неудачно.

Мама рвала и метала. За наиненбуду почтаса журнал стал самым лучшим, а миничемым журналом в мире, а его работники — тупицами, бездарностями и бюрократами. В ближайшие дни пришли ответы из других редакций: они были до обидного лозонны друг на друга. Только одна редакция внесла некоторые разоборозне. Консультант посоветовал автору бросить писать стихи и заняться чамненбуду полезным.

Но Борис не унывал. Он решил победить! Эти бездарности еще повоюют у меня в ногах! — говорил он, беря у мамы деньги и отправляясь в ресторан. Мама же садилась писать критику на редакторов. Трудно сказать, чем бы завершился творческий путь поэта Артура Жемчужного, если бы он был бы с друзьями в ресторане Бобин не поспешил с посором по столу. В завлэвшаеся перепаделе Бобин убедительностью хватил собеседника бутылкой по голове. Пострадавшего отравили в больницу. Бобина судили. На суде после оглашения приговора Бобин и светрала на Бориса плакала, а папа трагически воскликнул: «Не ожидал!»

г. Рига. Ю. ТРИФОНОВ

«УДОБНЫЙ ДРУГ»

У Нины лично — лучше не надо! В обшем, — вышние данные». А вот на дружку — Вы мои взгляды Довольно страннее. К концу семестра приходится тугу, Задание сдай, — как ни вертись. И тут без хорошего, верного друга Просто не обойтись! Сейчас у Нины горючий инд: Конечная немощно. Она печально говорит: — Я «заинваюсь». Серенка!

И чтоб не мучило бровей Столь милое создание, Ночами чертит ей Сергей По границе задания.

И Нина, хоть не точно в срок, Сдача заданая все же... А «друг» подводит свой инт: «Заинваюсь» все же! Серенка!

Но не прошло десятка дней, И разговор дружок: — Мне, видно, — ты поимн, Сергей, Не по пути с тобой...

Ушла. Она не могла не уйти, Ей без «друга» нельзя! Надобно срочно искать и найти Того, кто «подходит в дружку».

В. ТКАЧЕНКО

г. Калинин, художественное ремесленное училище № 12.

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

Рис. Ю. Ворогушина. г. Тула.

В районе комсомола.

На селю.

С К А З К И

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

— Помещение должно быть открыто, — глумливо-комично скрипела Дверная Ручка, когда кто-нибудь открывал дверь.

— Помещение должно быть закрыто, — философски заключала она, когда дверь закрывалась.

Убеждение Дверной Ручки заставляло ее, когда на нее нажимают.

НАУЧНЫЙ СПОР

Спросите у Половой Тряпки, кто самый умыный и самый образованный у них в парадной. Она вам сразу ответит: Калоша и Босонюкка.

Калоша и Босонюкка отличались тем, что всегда, как только назывались рядом, тотчас заводили ученые споры.

— Какво мойрый этот мир! — начинала Калоша. — Идешь, идешь — места сухого не встретишь.

— Да что вы! — возразила Босонюкка. — В мире совершенно сухо!

— Да нет же, мокро! — Именно сухо!

Их споры обычно разрешала Командантиса.

— Коллеги, оставьте бесполезные споры, — говорила она. — Мир бывает и мокрым и сухим; мокрым — когда хозяйка моет пол, сухим — все остальное время.

г. Ужгород.

ИМЯКО И ГИКО

Ф. КРИВИН

Цена номера
2 руб.

